СОДЕРЖАНИЕ

Актуальные вопросы топонимики

А. Б. Рыжков. **Возвращение исторических названий в рамках общей топонимической концепции Санкт-Петербурга** 2

Исторические исследования

Б. Н. Тихомиров. **Жил ли философ Николай Страхов на Петербургской стороне?** (Из казусов петербургской топонимики) 15

А. Г. Владимирович. **Вятский след в топонимии Петербурга** 19

В. Ф. Андрейчева. **На месте бывшего сада и мызы Каприз** 28

А. Д. Ерофеев. **Забытые герои революции** 45

А. Ю. Алексеев. **Имена советских политических деятелей в топонимии Дачного** 48

Архив топонимиста

Где эта улица, где этот дом?! 55

Топонимика в зеркале прессы

История одной костромской улицы, или тотальная безграмотность 59

Сведения об авторах 60

А. Б. Рыжков

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ В РАМКАХ ОБЩЕЙ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

В 2018 г. исполняется 20 лет с момента принятия Топонимической комиссией Санкт-Петербурга последней масштабной рекомендации по возвращению ценных исторических названий городских улиц. На протяжении этого периода комиссия неоднократно подтверждала свою рекомендацию, однако практически состоялось лишь несколько возвращений из этого списка. В настоящей статье анализируются различные подходы к проблеме возвращения исторических названий в рамках общих представлений об актуальной топонимической политике Санкт-Петербурга.

ЗНАЧЕНИЕ И РОЛЬ ТОПОНИМИИ В ФОРМИРОВАНИИ ГОРОДСКОГО КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА

> *Советская улица, улица К. Маркса есть в каждом городе; в любом районном центре вы найдёте не одну, а 2–3… значит, в этом отношении специфика Ленинграда стёрта.*
>
> *(Из выступления А. А. Жданова на бюро Ленинградского горкома ВКП(б) 5 января 1944 г.)*

Практика показывает, что наиболее серьёзные проблемы при восприятии топонимических решений (в том числе и в области возвращения исторических названий) порождаются некорректными представлениями о месте топонимии в культурной среде. Зачастую топонимам в принципе отказывают в каком-либо культурно-историческом значении, сводя роль названий к ориентированию и злободневной агитации. Распространён также подход, который приравнивает культурное значение топонима, поименованного «в честь», к значению увековеченного деятеля и ставит знак равенства между переименованием и «развенчанием», унижением конкретной персоны. Популярность таких подходов в массовом сознании объясняется последовательной топонимической политикой, осуществлявшейся в нашей стране на протяжении почти всего XX в.

Между тем истинная роль топонимии в городском культурном ландшафте огромна и может быть сравнима только с ролью архитектуры. Действительно, на первых порах развития города и топонимия, и архитектура имеют в основном прикладное значение. Здания строят, чтобы жить, работать, учиться, молиться. Названия дают, чтобы ориентироваться, определяя местоположение конкретных объектов. Но по мере формирования городского «лица» в архитектурном облике выделяются явные доминанты, некоторые из них со временем прочно ассоциируются с городом как таковым, становятся его «брендом», визитной карточкой, признанными шедеврами, обретая таким образом и культурное значение. При этом большое значение приобретает и фоновая застройка, что особенно наглядно подтверждается примером Петербурга. Исторический архитектурный облик города является его гордостью, признанной культурной ценностью, подлежит сохранению и реставрации.

То же самое происходит и в развитии городской топонимии. Сформировавшиеся имена-доминанты, такие как *Невский* и *Литейный проспекты*, *Дворцовая площадь*, также со временем становятся чем-то бóльшим, нежели обычные городские ориентиры. В топонимии тоже присутствуют и своя ценная «фоновая застройка», и ансамбли, аналогичные архитектурным. Всё это вместе формирует своеобразный «язык города», отличающий его от других населённых пунктов. Русский язык обеспечивает и повседневное общение, и общую культурную коммуникацию в Русском мире, причём не только с современниками, но и с предками. Так же точно и топонимический язык конкретной местности даёт нам мгновенную отсылку к самым далёким периодам истории, в то же время оставаясь языком живого общения горожан. Если мы признаём важность исторической памяти как таковой, то должны признать и тот факт, что значение городских названий в сохранении комплексной культурно-исторической информации (в том числе об утраченных объектах!), в формировании уникальной культурной общности петербуржцев так же огромно, хотя и явно недооценивается. В массовом сознании топонимия пока не стала равнозначной культурной ценностью по сравнению с той же архитектурой, но это не является основанием для игнорирования такой ценности в практической топонимической деятельности. Напротив, именно подходы, давно признанные и реализуемые в отношении объектов материального культурного наследия, должны быть реализованы и в сфере наследия нематериального. Целью актуальной топонимической политики должны быть формирование, сохранение и реставрация гармоничной топонимической среды, являющейся неотъемлемой частью городского культурного ландшафта.

ПРАКТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ФОРМИРОВАНИЮ ГОРОДСКОГО ТОПОНИМИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Хотя научные принципы подхода к топонимии как элементу культурного пространства были разработаны Д. С. Лихачевым и другими видными учёными к середине 1980-х гг., один из наиболее ярких примеров практической реализации культурно-исторического подхода к топонимическому ландшафту в виде возвращения ценных исторических имён имел место гораздо раньше. Перед самым снятием блокады Ленинграда, 13 января 1944 г., были восстановлены 20 названий городских улиц, без которых невозможно представить Петербург. Инициатором этого возвращения был главный архитектор Ленинграда Н. В. Баранов, но такой серьёзный шаг, полностью выбивавшийся из канонов советской топонимической политики,

ленинградское руководство согласовывало непосредственно с И. В. Сталиным. И уже по собственному почину Верховный фактически вернул исторические имена Павловску (с 1918 г. — Слуцк) и Гатчине (в 1923–1929 гг. — Троцк, с 1929 г. — Красногвардейск), упомянув их в январских приказах 1944 г., посвящённых освобождению этих городов.

Такой беспрецедентный факт служит лучшим подтверждением истинной культурно-исторической ценности топонимии. Для победы в войне понадобились полная мобилизация народного патриотизма и обращение к более глубоким корням, чем 1917 г., с которого, как считалось, началась «новая история», отменившая предыдущую. В этом же русле — восстановление погон, послабления в антирелигиозной политике, обращение к славным традициям русских полководцев и флотоводцев. Что же касается топонимики, то и «старорежимные» названия, оказывается, помогали победить! И их возвращение стало прекрасным подарком городу, заслужившему «право на историю» ценой нечеловеческих страданий. Нарушением советских топонимических обычаев стало не только само восстановление прежних названий, которые до войны лишь уничтожались. «Пострадавшие» Урицкий, Володарский, Рошаль, Плеханов, Железняков, Мусоргский при этом не были ошельмованы и развенчаны. Восстановление «клерикальных» *Казанской* и *Исаакиевской площадей*, *Владимирского проспекта* не воспринималось как религиозная пропаганда, *Дворцовые площадь* и *набережная* не стали «реабилитацией» самодержавия. В записках и выступлениях партийных руководителей Ленинграда (в закрытом режиме) приводились те же резоны восстановления ценных названий, тесно связанных с историей и обликом города, что и в работах современных топонимистов (см. процитированные выше слова А. А. Жданова).

К сожалению, в мирное время советская топонимическая политика вернулась к жёсткой идеологической модели, а Ленинград ещё и был «наказан» в ходе «Ленинградского дела»: уничтожение в 1952 г. сотни старинных названий, выживших в довоенных топонимических чистках, стоит в одном ряду с разгромом Музея обороны и блокады Ленинграда. Это стало ещё одним доказательством ценности традиционной топонимии, ведь кроме сознательного ущемления городской самобытности, для такой акции на тот момент не было других оснований. Дискуссии о подлинном культурно-историческом значении топонимии велись и в 1960-е гг., однако до самого конца советского периода в практических топонимических решениях преобладали либо политико-идеологические, либо «увековечивательные» приоритеты, что приводило к новым и новым утратам исторического топонимического слоя. К восстановлению утраченных топонимических ценностей фактически удалось вернуться только в конце 1980-х гг. 27 февраля 1989 г. состоялось первое за долгий период возвращение исторических названий в Ленинграде: *Малая Посадская улица* (с 1964 г. *улица Братьев Васильевых*), *Биржевая площадь* (с 1937 г. *Пушкинская площадь*), *Почтамтская улица* (с 1922 г. *улица Союза Связи*), *Каменный остров* (с 1920 г. *остров Трудящихся*).

К этому времени историкам, лингвистам, топонимистам удалось сформулировать основные постулаты научного подхода к формированию и сохранению топонимической среды. Состоялись две всесоюзные конференции «Исторические названия — памятники культуры»; аналогичные конференции проходили и в масштабах Ленинграда.

НАУЧНЫЕ ПРИНЦИПЫ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ТОПОНИМИИ

Вот основные тезисы, сформулированные участниками научно-практических конференций на тему осознания топонимии как полноправной части культурно-исторического пространства.

Д. С. Лихачев сформулировал некоторые программные моменты, характерные для культурно-исторического подхода к топонимии:

- исторические названия, создаваемые в разные эпохи как культурно-исторические свидетельства своего времени, также должны быть отнесены к памятникам; они нуждаются в собирании, каталогизации и изучении;
- замена исторических географических названий «идеологическими новоделами» привела к изъятию из обращения той комплексной культурно-исторической информации, которую несёт в себе имя;
- возрождая историко-культурную преемственность в топонимии, мы возвращаем тем самым культурные ценности наших народов, протягиваем связующие нити от настоящего к прошлому и от прошлого через настоящее — к будущему. Возвращение и охрана исторических названий, создание «Красных книг» исторических топонимов — благородная социальная и культурная задача.

М. В. Горбаневский сформулировал *«концепцию исторического географического названия как памятника в связи с продолжающимися дискуссиями вокруг термина “культура” в рамках трёх наиболее общих подходов к определению культуры — предметно-аксиологического (ценностного), деятельностного и семиотического».*

Действительно, значение топонимии прослеживается в рамках всех трёх вышеупомянутых основных подходов к определению культуры. Если мы говорим о культуре как о системе ценностей, то невозможно не видеть, что многие традиционные названия имеют не меньшую ценность, чем вполне материальные памятники архитектуры. Самым парадоксальным и в то же время естественным образом это подтвердилось в наиболее суровые годы, выпавшие на долю нашего города, — в виде возвращения исторических названий в 1944 г. Если речь идёт о процессе культурной деятельности человека, то очевидно, что её непременным атрибутом является постоянное создание, изменение, закрепление некоторого топонимического ландшафта. Наконец, если рассматривать культуру

как «систему знаковых систем», то определение топонимии как «*языка города*» (Н. П. Анциферов) будет ключом к пониманию её коммуникационной роли на всех уровнях. Как и обычный язык общения, она служит и для сиюминутного поддержания культурного единства некоей человеческой общности (в нашем случае — жителей Петербурга), и для обеспечения исторических культурных связей, сохранения исторической памяти, городского «культурного кода».

М. В. Горбаневский также озвучил необходимость распространения на утраченные топонимические памятники «реставрационного» подхода, применяющегося к материальным культурным объектам.

В. П. Нерознак раскрыл составляющие той комплексной историко-культурной информации, которую несут в себе топонимы: географическую, историческую, языковую. Одной из важнейших задач, вытекающих из культурно-исторического подхода к топонимии, является выработка научных критериев по отнесению топонимов к памятникам культуры, критериев возможного возвращения утраченного топонима, уточнения понятия «историческое название».

Отказ от идеологической направленности в топонимике был сформулирован В. П. Нерознаком в лаконичной форме «новое имя — только новому объекту», что подтверждает принцип историчности применительно к тем названиям XX в., которые не отменяли предыдущих, а были даны «с чистого листа». Для сравнения же культурной ценности названий разных периодов он предложил пять критериев: *топографичность, мотивированность, системность, грамматичность, оригинальность*.

Е. М. Верещагин обратил внимание на *фоновую семантику топонимов как совокупность массовых ассоциаций, свойственных почти всем членам конкретной культурной общности*. В качестве примера для Петербурга можно привести богатый ассоциативный слой, которым обладает в русской культуре название *Сенатской площади*. Примером из новейшей истории в этом качестве может служить топоним *Пискарёвка*, который для всей общности ленинградцев-петербуржцев содержит мгновенную отсылку к дням блокады.

А. В. Суперанская затронула проблему дефиниции «исторического географического названия»: *«…Антиисторично не само обращение к нескольким высокочастотным именам, а то, что с их помощью из топонимии вытесняются история и география»*.

В практическом смысле это означает, что насаждение стандартного «топонимического набора» во всех городах и весях путем массовых переименований, имевшее место в годы советской власти, имело негативные последствия в культурном плане, так как стирало самобытные топонимические черты конкретных мест, уничтожало их культурное разнообразие. В то же время сами по себе советские названия, возникшие «с чистого листа», вполне историчны. Нужно сказать, что абсолютно все участники тогдашних научных топонимических конференций сознательно дистанцировались от любых политических подходов в топонимии.

Все эти научные постулаты легли в основу Петербургской топонимической программы, принятой решением Президиума Петросовета в декабре 1991 г. Этот документ официально не отменён и по сей день.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ТОПОНИМИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА 1991 г.

В Петербургской топонимической программе сформулированы основные принципы практической топонимической деятельности в городской среде, в основу которых был положен тезис о самостоятельном культурном значении городской топонимии. В основных положениях программы декларировался «краеведческий» принцип присвоения наименований: ***«****основное значение топонима — быть указателем, ориентиром на местности, давать адрес, отражать характерные признаки местности, её топографию, достопримечательные места и объекты****»***. Особое внимание было уделено поддержанию и развитию традиций петербургской топонимики: ***«****Названия, по традиции отражая характерные особенности того или иного места, являются ценными свидетелями формирования и развития города. Исторические названия являются памятниками культуры, они нуждаются в изучении, сохранении и реставрации****»***. Наряду с признанием необходимости реставрации особо ценных топонимов декларировался общий принцип «*устойчивости городских названий и недопустимости идеологизированного подхода к решению топонимических задач, политической кампанейщины переименований вслед за меняющейся конъюнктурой*».

В этих положениях нет противоречия, так как принцип топонимической реставрации находится совсем в другой плоскости, нежели переименования по политическим мотивам. В результате сочетания этих требований в Петербурге 1990-х гг. практически не было переименований, не связанных с возвращениями исторических названий (в качестве исключений можно назвать *Дачный проспект* (до 1993 г. *проспект Суслова*) и *Караваевскую улицу* (до 1993 г. *улица Третьей Пятилетки*), причем последнее переименование также в какой-то степени было восстановлением исторического названия, только соседней улицы).

В программе декларировалась *«необходимость соблюдения правил русского языка, учёта удобства произношения и закономерностей обиходного употребления названий, нежелательность громоздких конструкций из двух слов в родительном падеже»*. Отдельно упоминалась ценность петербургских топонимических традиций «*использования в названиях формы прилагательного в именительном падеже и ансамблевого принципа наименований*».

Отдельного внимания заслуживает следующее положение программы: «*присвоение личных имён улицам, площадям и другим объектам Санкт-Петербурга допустимо только в исключительных случаях*». Такой суровый подход

к топонимическому увековечению был вызван сильнейшим «мемориальным» давлением, который испытывала городская топонимия в последние советские десятилетия. Сложившиеся стереотипы присвоения названий «в честь» как одной из высших форм признания заслуг порождали (и порождают до сих пор!) настолько большое количество предложений об увековечениях в названиях улиц, что для их реализации было недостаточно даже масштабов нового строительства. В результате «жертвами увековечения» в 1960–1980-е гг. становились уцелевшие до того ценные исторические названия. А поскольку в начале 1990-х гг. названий в новых кварталах уже почти не требовалось, то и было задекларировано столь жёсткое отношение к топонимическому увековечиванию. Надо сказать, однако, что на словах оно присутствовало и в советских нормативных документах, регулировавших присвоение городских наименований. Так, в постановлении Совета Министров РСФСР № 91 от 14 февраля 1968 г. также говорилось об *«исключительности»* случаев топонимического увековечивания выдающихся деятелей, а также запрещалось прижизненное топонимическое увековечение. На тот момент это было отражением борьбы с последствиями культа личности. Однако если запрет на увековечение в названиях при жизни в целом после этого соблюдался, то посмертное увековечение так и не стало чем-то «исключительным».

Специальный раздел программы был посвящён критериям возвращения исторических наименований.

«Универсальный критерий, применимый во всех случаях возвращения названий, не может быть разработан, так как исторические названия в основном являются комплексными, многослойными образованиями. При принятии решения о возвращении исторического названия в первую очередь учитываются:

3.1. Продолжительность существования прежнего топонима (100–200 лет), закреплённого на карте города.

3.2. Фактическое использование старого названия наряду с существующим.

3.3. Историко-культурная ценность топонима, его неразрывная связь в сознании людей с историческими событиями, именами выдающихся людей, литературными памятниками.

3.4. Историко-географическая, краеведческая ценность топонима, когда название содержит информацию об истории данной местности, роде занятий населения, отражает процесс формирования города.

3.5. Мемориальная ценность топонима, сохраняющего в памяти населения утраченные историко-культурные объекты».

Все приведенные критерии раскрывают принципы культурно-исторического подхода к топонимии применительно к проблеме топонимической реставрации. Упор при этом делается на культурно-исторические достоинства возвращаемого названия в сравнении с существующим, а не на политическую корректность того или другого в соответствии

с текущим моментом. Необходимо прокомментировать пункт 3.3, посвящённый связи топонима с именами выдающихся людей и историческими событиями. Здесь это понятие трактуется несколько иначе, чем принято у сторонников «топонимических увековечиваний». Например, топоним *Сенатская площадь* будет более ценным, чем *площадь Декабристов*, именно благодаря конкретному ассоциативному слою, которым обладает в русской культуре название Сенатской площади. Оно как бы содержит в себе и память о восстании, и память о его участниках. Наоборот, уничтожение подобных названий даже с благой целью почтить память выдающихся людей приводит к обеднению городского культурного ландшафта: «декабристы выходили на площадь Декабристов, Гоголь жил на улице Гоголя» и т. д.

Важно отметить, что ценностью обладают не только те названия, которые полностью гармонируют с сохранившимся историческим обликом города и соответствуют существующим городским доминантам, но и те, которые сохраняют имена утраченных историко-культурных объектов.

ОСОБЕННОСТИ ПРАКТИЧЕСКОЙ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ И ЕЁ ВОСПРИЯТИЯ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ

Практическая деятельность по формированию петербургского топонимического ландшафта в 1990-е гг. вполне укладывалась в рамки принципов, сформулированных в топонимической программе. Среди немногочисленных новых названий преобладали имена в форме прилагательных, громоздкие топонимические конструкции не применялись. Исключениями были некоторые решения городской исполнительной власти, принятые вопреки мнению Топонимической комиссии: *площадь Военных Медиков*, *парк* и *площадь Академика Сахарова*, а также *улица Электропультовцев*. Для возвращения ценных исторических названий был принят принцип постепенности: в 1991, 1993, 1994, 1998, 1999, 2002 и 2003 гг. в Петербурге и пригородах, вошедших в состав города федерального значения, были реставрированы топонимы, последовательно рекомендованные Топонимической комиссией в соответствии с приведёнными выше критериями. К сожалению, после 2003 г. планомерный процесс исторических возвращений приостановился и приобрёл случайный характер, при этом обращения граждан по возвращению тех или иных названий поступали и продолжают поступать.

Способ постепенного восстановления ценного топонимического ландшафта имел ряд безусловных достоинств. Во-первых, ограниченное число восстанавливаемых «за один раз» названий способствовало тщательному обоснованию предложений и всестороннему сравнению существующих и возвращаемых имён по вышеуказанным критериям. Во-вторых, по мнению топонимистов, такая постепенность должна была облегчить привыкание жителей города к изменению топонимической среды, а также снизить уровень единовременных расходов бюджета, связанных с переименованиями.

Нетрудно видеть, что это не имело ничего общего с шаблонами «декоммунизации», в которой наших топонимистов постоянно подозревали сторонники политического подхода к топонимии с «советской» стороны. За исключением упомянутых выше проспекта Суслова и улицы Третьей Пятилетки, ни одно «уличное» переименование не было топонимическим «новоделом», при этом топонимисты исправляли ошибки не только советского, но и царского периода (на примере возвращения *Малой Морской улицы*). Зато заядлые «антисоветчики» упрекали топонимистов в нежелании стирать с карты «имена палачей», в честь которых были названы улицы в новых кварталах, не имевшие исторических предшественников. При этом и «коммунисты», и «антикоммунисты» до сих пор недоумевают, «в чём же провинился Гоголь»! Увы, десятилетия насаждения идеологических топонимических шаблонов не прошли бесследно, и даже пример возвращения 1944 г. не переубеждает людей, твёрдо уверенных в том, что топонимика — это политика и только политика.

Возвращаясь к темам, затронутым на научных конференциях конца 1980-х гг., полезно процитировать А. В. Соловьеву из Ленинграда: *«Десятилетиями насаждавшийся политизированный подход к истории и культуре глубоко укоренился в общественном сознании <…> глубокого процесса оздоровления общественного сознания не произошло, общим фоном для топонимической работы является культовый, даже мифологический тип мышления».*

Эти слова, сказанные в 1989 г., остаются более чем актуальными и в настоящее время. Необходимо признать, что по сей день в обществе отсутствует общепринятое восприятие топонимии как элемента городского культурного ландшафта, в отличие от архитектуры. Этот разрыв между научно обоснованными постулатами культурно-исторического подхода к топонимии и стереотипами массового сознания приводит к тому, что любое предложение о реставрации культурного топонимического слоя многими нашими согражданами рассматривается либо как политически мотивированное (попытка «десоветизации»), либо как попросту бессмысленное («от изменения названия ничего не меняется»). Отдельным фактором является сложившееся благодаря советской топонимической практике сакральное отношение к названиям, данным в честь выдающихся людей, даже если такие топонимы дублируются в больших количествах, а также буквальное прочтение значения конкретного названия («переименование улицы Мира — это покушение на мир»). К этому необходимо добавить, что городской топоним в качестве элемента адреса является частью личного пространства гражданина, и его изменение инстинктивно (и часто неосознанно) воспринимается как вторжение в это личное пространство. Здесь кроется причина многих иррациональных реакций на предложения об изменении названий, в частности — глубокой убеждённости граждан в «необходимости смены всех документов», которую, к сожалению, до сих пор поддерживают не только журналисты и депутаты-коммунисты, но и некоторые чиновники.

Кроме того, можно провести параллели между отношением к топонимическим изменениям и отношением к изменению привычной среды обитания в целом. Известная реакция на градостроительные преобразования по принципу «только не в моём дворе» (not in my backyard), которая восходит всё к тому же ощущаемому вторжению в личное пространство, понятна и объяснима, но далеко не всегда является основанием для отказа от преобразования городской среды. В случае с восстановлением ценных исторических названий необходимо также учитывать, что хотя местная топонимия и является частью личного пространства жителей конкретных улиц, она всё же не является их «собственностью», а принадлежит всему городу. В качестве аналогии можно привести жилой дом — памятник архитектуры, внешний облик которого не находится «во власти» жильцов (хотя и существует множество печальных примеров варварского отношения собственников к сохранению памятников архитектуры, в том числе и жилых зданий).

Анализ отношения жителей Петербурга к уже состоявшимся возвращениям показывает, что процесс топонимического «привыкания» занимает в среднем 10–15 лет. В настоящее время «одинаково» воспринимаются и *Литейный проспект*, возвращённый в 1944 г., и *Гороховая улица*, вернувшаяся в 1991 г. Что же касается возвращений, обсуждаемых в настоящее время или реализованных недавно, то механизм их восприятия укладывается в следующие схемы:

1) рекомендация Топонимической комиссии (по обращениям граждан!);
2) бурное обсуждение в СМИ и социальных сетях с поляризацией мнений;
3) активное поступление обращений от противников.

Далее возможны два варианта. Основной:

4) отказ от реализации рекомендации в постановлении Правительства;
5) продолжение обсуждения темы в фоновом режиме;

или наоборот:

4) подписание постановления Правительства о возвращении названия;
5) мгновенное прекращение протестной кампании.

Единственным примером относительно продолжительной протестной активности горожан после принятия постановления Правительства о наименовании стало отнюдь не возвращение какого-либо исторического названия, а наименование *моста Ахмата Кадырова* (примерно 3 месяца).

Особенно характерен в данном случае пример с колпинскими возвращениями, которые достаточно бурно обсуждались на протяжении нескольких лет после соответствующей рекомендации Топонимической комиссии, но их фактическая реализация в 2017 г. не вызвала вообще никакой протестной реакции! Это может показаться парадоксальным, если не учитывать, что основное количество негативно настроенных

к изменению названия граждан основывают своё мнение на «необходимости смены всех документов».

ТЕКУЩАЯ СИТУАЦИЯ В ОБЛАСТИ ВОЗВРАЩЕНИЯ ЦЕННЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

С точки зрения восстановления ценного топонимического ландшафта в Санкт-Петербурге имеется достаточно широкое поле деятельности. Существует большое количество наименований, ранее рекомендованных к возвращению, которые в соответствии с принятыми в 2015 г. Порядком и Правилами необходимо повторно вынести на обсуждение Топонимической комиссии. Кроме того, имеются обращения граждан и по другим названиям, ещё не рассматривавшиеся комиссией. Однако в условиях, когда со ссылкой на результаты социологических опросов задерживается реализация даже недавно рекомендованных возвращений, Топонимическая комиссия находится в двусмысленном положении.

В настоящий момент Правительству Санкт-Петербурга как органу, наделённому законными полномочиями в области формирования городской топонимической среды, надлежит определиться с общим подходом в отношении возвращения исторических названий. Здесь возможны два варианта:

1) замораживание рассмотрения и реализации предложений о возвращениях исторических названий до тех пор, пока социологические опросы не покажут преобладание сторонников возвращений;
2) рассмотрение соответствующих предложений на основе критериев культурно-исторической ценности городской топонимической среды и реализация рекомендованных предложений в соответствии с существующей нормативно-правовой базой.

Первый подход не требует вообще никаких усилий, за исключением периодического мониторинга общественного мнения, в то время как второй подход требует осознанной деятельности подразделений городской исполнительной власти в части разъяснения гражданам действительных (а не мнимых) последствий изменения наименований, а также просветительской работы в области культурно-исторической мотивации возвращения ценных исторических наименований. Ситуация, когда отдельные чиновники или подразделения органов исполнительной власти распространяют недостоверную информацию о последствиях изменения наименований, подменяя собой Топонимическую комиссию, недопустима.

Идеи, лежащие в основе допустимой реставрации ценных исторических названий, заключаются в следующем. Город в своём развитии «обрастает» топонимическими слоями, которые в общем случае соответствуют этапам расширения и освоения городской территории и являются ценными элементами городского культурного ландшафта, так как формируют уникальную городскую среду и одновременно служат яркими иллюстрациями истории её создания. На раннем этапе развития города (до середины XIX в.)

названия, как правило, возникали и менялись стихийным образом, и особую ценность представляют те из них, которые сложились и закрепились именно естественным путем. В дальнейшем, когда присвоение названий стало делом официальных городских властей, изменение топонимического ландшафта определялось необходимостью устранения дублирующихся названий в условиях поуличной адресации. Наконец, в XX в. широко распространилась практика использования городской топонимии в политических агитационных целях не только в абсолютно новых районах городской застройки, но и в сопряжении с сознательным уничтожением сложившегося культурного топонимического слоя.

Современные топонимисты, признавая собственную историческую ценность названий советского периода, данных «с чистого листа», допускают возможность реставрации элементов топонимического слоя, уничтоженного в исторических районах и пригородах. При этом не может быть речи о «повальном» возвращении городских топонимов к состоянию на некую дату. В каждом конкретном случае вопрос должен решаться в сравнении двух названий: существующего и предлагаемого к восстановлению. Для примера рассмотрим основания для возвращения *1–10-м Советским улицам* и *Красноборскому переулку* исторических названий *Рождественские*.

Названия «Рождественские» стихийно закрепились за улицами в конце XVIII в. (современная нумерация улиц установилась несколько позже — в начале XIX в.). Это произошло благодаря местной доминанте — храму Рождества Христова, который был построен по проекту архитектора П. Е. Егорова в 1787 г. Наименования отсылают также к названию Рождественской полицейской части. В 1923 г. в ходе кампании по искоренению религиозных названий вместо десяти Рождественских улиц появились десять Советских. Выбор нового названия был вызван тем, что с 1918 г. осевая магистраль этого района носила название *Советский проспект* (историческое имя *Суворовский проспект* возвращено в 1944 г.). Переименование улиц стало предвестником произошедшего в 1934 г. разрушения храма, в настоящее время храм восстанавливается.

Название *Рождественского переулка* появилось на карте Петербурга в 1887 г. и также связано с храмом Рождества, который находился на оси переулка. В 1952–1954 гг. его название было изменено в числе сотни других, уцелевших с дореволюционной эпохи. Это массовое переименование имеет непростую историю, тесно связанную с обстоятельствами «Ленинградского дела», и стоит в одном ряду с уничтожением Музея обороны и блокады Ленинграда. Поскольку целью этой акции было уничтожение исторических названий, зачастую на смену им выбирали наименования просто по населённым пунктам СССР, освобождённым Красной Армией в 1943–1944 гг., взятые из приказов Верховного Главнокомандующего. Для Рождественского переулка было выбрано название по посёлку Красный Бор в Ленинградской области. Решение о переименовании 1952 г.

в целом было отменено в 1953 г., но вновь утверждено в 1954 г.

Сравнение существующих и предлагаемых к возвращению названий по всем критериям говорит в пользу возвращения: названия Рождественских улиц восходят к XVIII в. и тесно связаны с историей города и его конкретного района, название Рождественского переулка также имеет тесную связь с местом. С другой стороны, существующие названия абсолютно лишены таких привязок, их появление на этом месте было обосновано только уничтожением старинных имён. В плане оригинальности Рождественские улицы не повторяются в пределах Санкт-Петербурга, тогда как в городе (считая пригороды) имеется ещё 30 (!) Советских улиц, проспектов и переулков, а также Советский мост. Дополнительным доводом в пользу возвращения исторического названия становится ожидаемое восстановление храма Рождества, который в противном случае должен будет получить адрес по 6-й Советской улице или по Красноборскому переулку.

В то же время результаты социологического опроса жителей Санкт-Петербурга, проведённого в мае 2018 г., показывают, что за возвращение названий Рождественских улиц и переулка выступают 33% горожан, а против — 55%. Налицо несовпадение экспертного и общественного мнения, однако такая ситуация в сфере преобразования городского пространства не является чем-то необычным. Например, любые опросы населения по поводу введения платных парковочных мест на центральных городских улицах по определению показывают преобладание противников данной меры. Однако и теория, и практика городского транспортного планирования подтверждают действенность подобных непопулярных мер. Если говорить о современном состоянии городского топонимического ландшафта, то весьма показательным является недавнее исследование, проведённое Яндексом, где проанализированы повторяемость и оригинальность городских топонимов в России. Если в Москве 50% от общего числа названий улиц являются оригинальными и не повторяются в других городах, то в Петербурге этот показатель гораздо меньше — всего 25%. Это результат сознательной топонимической политики XX в., направленной на унификацию городской топонимии, стирание местных оригинальных особенностей, что и привело в конечном итоге к обеднению культурного ландшафта культурной столицы России. Разумеется, нет речи об изменении четверти городских названий, но возвращение нескольких десятков особо ценных топонимов, обоснованное в их культурно-историческом сравнении с существующими, могло бы заметно гармонизировать топонимический облик Петербурга. Это не имеет ничего общего с «десоветизацией» и «декоммунизацией», как и возвращения, состоявшиеся в 1944 г.

Б. Н. Тихомиров

ЖИЛ ЛИ ФИЛОСОФ НИКОЛАЙ СТРАХОВ НА ПЕТЕРБУРГСКОЙ СТОРОНЕ?

(Из казусов петербургской топонимики)*

В течение многих лет собирая материалы по теме «Петербург Достоевского», я последовательно и систематически отслеживаю не только адреса самого писателя в Северной столице или мест, где он бывал (редакций журналов и газет, светских салонов, фотоателье, полицейских контор, ресторанов и кафе, церквей, театров, магазинов, врачей, нотариусов, гадалок, портных и т. д.), но также и адреса людей из его окружения — родственников, друзей, корреспондентов и пр. Причём о тех, кто стоял к Достоевскому наиболее близко, стараюсь собирать сведения с максимально возможной полнотой, включая в орбиту своих поисков их адреса на то время, когда они ещё не были знакомы с писателем, или, напротив, уже после его смерти. Один из таких людей, входивших в ближайшее окружение Достоевского — философ и литературный критик Николай Николаевич Страхов (1828–1896).

Достоевский и Страхов познакомились вскоре после возвращения писателя из Сибири, где он четыре года провел в Омском остроге, а затем без малого шесть лет служил в Сибирском № 7 батальоне в Семипалатинске. Знакомство состоялось либо в самых последних числах декабря 1859 г., либо в начале 1860 г. Встретились они в редакционном кружке журнала «Светоч», который собирался в квартире литератора А. П. Милюкова на Офицерской улице, в доме Самуила Якобса (ныне улица Декабристов, 5), в квартире № 14, на третьем этаже[1]. Жил в это время Страхов где-то на Васильевском острове (точный адрес пока неизвестен)[2].

1860-е гг. — время наиболее тесного общения Страхова и Достоевского. В 1870-е они то сближались, то расходились. Но в период, когда братья Достоевские издавали журналы «Время» и «Эпоха» (1861–1865), в которых Страхов был одним из ведущих сотрудников, Николай Николаевич с Федором Михайловичем *«особенно подружились и виделись каждый день и даже не раз в день»*[3]. Именно поэтому биография Страхова в 1860-е гг. изучена

* Выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ). Проект № 17-04-50090 а(ф).

[1] См.: *Страхов Н. Н.* Воспоминания о Ф. М. Достоевском // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 377. Адрес уточнен по изд.: *Цылов Н.* Описание улиц С.-Петербурга и фамилии домовладельцев к 1863 году. Спб., 1862. С. 286; *Григорьев Аполлон.* Письма. М., 1999. С. 248.

[2] См.: *Страхов Н. Н.* Указ. соч. С. 421.

[3] Там же.

исследователями Достоевского особенно тщательно, что распространяется, в частности, и на петербургские адреса философа.

Будучи закоренелым холостяком, он был очень лёгок на подъём и часто менял места жительства. В статье «Петербург Николая Николаевича Страхова» краевед Альберт Бурмистров называет четыре адреса, которые философ сменил в 1860-е гг.[1] Но это, возможно, ещё не полная картина. Поэтому с огромным интересом я отнёсся к сообщению в книге Валентина Привалова «Улицы Петроградской стороны: дома и люди», согласно которому, оказывается, какое-то время в 1860-е гг. Страхов проживал также в Конном переулке, пролегающем между Кронверкским проспектом и Малой Посадской улицей. Правда, в книге В. Привалова не указаны точный адрес (номер дома, фамилия домовладельца) и более конкретное время проживания, как и источник осведомленности автора[2]. Но здесь-то и открывался простор для поисковой деятельности. Небольшой Конный переулок (длиною всего в двести метров) как в XIX в., так и ныне небогат домами. В 1860-е гг. в нём вообще стояли лишь два небольших деревянных домика: на нечётной стороне, на углу Кронверкского проспекта, — дом Петра Долоцкого, преподававшего в Горном корпусе (дальше вплоть до Малой Посадской простирались огороды Монетного двора), на чётной — дом Василия Копыльцова[3]. В одном из этих домиков, если верить указанию В. Привалова, и должен был бы квартировать Н. Н. Страхов.

Однако более тщательно знакомясь с ситуацией, я обнаружил иное свидетельство. В уже названной статье А. С. Бурмистрова «Петербург Николая Николаевича Страхова» также указывается адрес приятеля Достоевского в Конном переулке. Однако это *другой* Конный переулок — близ Сенной. Дело в том, что с 1828 по 5 марта 1871 г. в Северной столице было *два* Конных переулка: один — на Петербургской стороне, другой — в 3-й Адмиралтейской (с 1865 г. Спасской) полицейской части. А. С. Бурмистров также не указывает своего источника, но сообщает адрес весьма точно: Конный переулок, дом Кранихфельда, № 5 (ныне пер. Гривцова, 24)[4]. Указывает краевед и время — другое, нежели В. Привалов, — когда здесь жил Страхов: 1850-е гг. Этот Конный

[1] См.: *Бурмистров А. С.* Петербург Николая Николаевича Страхова // Вече: альманах русской философии и культуры. 1995. № 4. С. 168–172. Эти адреса: 1) Большая Мещанская ул., дом наследников каретного мастера Иохима, № 37 (совр. Казанская ул., 39) (1861–1865); 2) 3-я линия Васильевского острова, дом купца 2-й гильдии Александра Кенига, № 6–8, угол Большого проспекта (совр. № 6/9) (1865–1868); 3) Загибенин (ныне Тучков) переулок Васильевского острова, дом учителя музыки Андрея Цее, № 25 (1869); 4) набережная Мойки, дом купца 1-й гильдии Карла Тура (арендатор), № 5, кв. 11 (1869–1871).

[2] См.: *Привалов В.* Улицы Петроградской стороны: дома и люди. М., 2015. С. 233.

[3] См.: *Цылов Н.* Указ. соч. С. 155; *Нейдгардт П.* Список домам С.-Петербурга по полицейским частям и участкам. С. 415.

[4] См.: *Бурмистров А. С.* Указ. соч. С. 167.

переулок в середине XIX в. пролегал между Сенной площадью и Екатерининским каналом, его продолжением был Демидов переулок, простиравшийся до Мойки и пересекавший Большую Мещанскую улицу — ту самую, где находилась 2-я гимназия, в которой с 1852 по 1861 г. Страхов преподавал естественные науки[5]. (Позже оба переулка были объединены под общим именем *Демидов*, ныне *переулок Гривцова*.) Значит, согласно данным А. С. Бурмистрова, он жил буквально в десяти минутах ходьбы от места своей службы.

Но тем более остро встает вопрос об источниках! И найти их благодаря хронологическому указанию в статье Бурмистрова не составило труда. Это подготовленный в 1853 г. и вышедший в самом начале 1854 г. широко известный путеводитель по Северной столице и пригородам «60,000 адресов из Санкт-Петербурга, Царского Села, Петергофа, Гатчина [*так!*] и проч.». Здесь мы и находим искомый адрес: *«Страхов, Ник. Ник. Учит. 9 кл., 3 ч. Кон. пер. 5»*[6]. Процитированная лапидарная запись должна прочитываться так: Страхов Николай Николаевич. Учитель, чиновник 9-го класса (титулярный советник). Проживает в 3-й Адмиралтейской части, в Конном переулке, дом № 5. В этом же справочнике находим и дополнительную информацию, использован-

Н. Н. Страхов (1828–1896)

ную А. С. Бурмистровым: владельцем дома № 5 в Конном переулке указан Кранихфельд[7]. Возможно, домом совместно владели братья Кранихфельды: как жильцы в доме № 5 в той же адресной книге указаны Н. И. и Пав. И. Кранихфельды[8].

Конечно, рассуждая предельно отвлеченно, можно было бы предположить, что в разное время Н. Н. Страхов жительствовал в *двух разных* Конных переулках: в 1850-е гг. — близ Сенной, а в 1860-е — на Петербургской стороне. Почему бы нет? В конце концов, и В. Привалов пишет

[5] Располагалась по адресу: Большая Мещанская ул., 30, с 1858 г. дом № 25 (ныне Казанская ул., 27).

[6] 60,000 адресов из Санкт-Петербурга, Царского Села, Петергофа, Гатчина [*так!*] и проч. Спб., 1854. С. 198 (1-я паг.).

[7] Там же. С. 24 (2-я паг.).

[8] Там же. С. 129 (1-я паг.).

в своей книге о 1860-х гг. Однако косвенно сообщаемые им данные свидетельствуют, что речь может идти только об адресе в 3-й Адмиралтейской части. По указанию краеведа, на квартире в Конном переулке у *«преподавателя физики и зоологии Н. Н. Страхова <…> неоднократно бывал Д. И. Менделеев, в то время студент Университета»*[9]. А это могли быть отнюдь не 1860-е гг., но лишь первая половина 1850-х: ведь будущий великий химик закончил Главный педагогический институт (который фактически представлял собою отделение Петербургского университета, да и занимал тогда часть его здания) в 1855 г.[10] То есть его студенческие годы пришлись на 1850–1855 гг. — время, когда, согласно приведённым данным из столичной адресной книги, *«преподаватель физики и зоологии»* 2-й петербургской гимназии Н. Н. Страхов (уволившийся с этой должности в 1861 г.) жил именно в доме Кранихфельда в двух шагах от Сенной площади.

Так что, без сомнений, указанный в книге В. Привалова адрес проживания философа Николая Страхова на Петроградской стороне — *топонимическая ошибка*, выразительно демонстрирующая, как опасны в городской топонимии улицы-двойники, жертвами которых могут оказаться не только почтальоны или полицейские, но, как оказывается, и краеведы, разыскивающие следы знаменитых людей, живших в Петербурге в минувшие эпохи. Показателен этот казус и в другом отношении: он выразительно свидетельствует о том, что на современном этапе развития петербургского краеведения необходимо пересмотреть привычную ещё с советского времени традицию публикаций, где сведения по истории нашего города даются «вообще», без ссылок на архивные и печатные источники. Требование оснащать краеведческие издания, адресованные массовому читателю, источниковедческим аппаратом должно прежде всего дисциплинировать авторов книг и статей, которые вынуждены будут семь раз перепроверить сообщаемые ими данные, а также повысить уровень доверия к петербургскому краеведению как *науке*, что немаловажно, когда речь идёт о таком городе, как Петербург.

[9] *Привалов В.* Указ. соч. С. 233.

[10] Н. Н. Страхов четырьмя годами ранее, в 1851 г., закончил отделение естественных наук того же физико-математического факультета Главного педагогического института, что и Д. И. Менделеев.

А. Г. Владимирович

ВЯТСКИЙ СЛЕД В ТОПОНИМИИ ПЕТЕРБУРГА

Более двухсот лет Петербург был столицей Российской империи. И неудивительно, что каждая её часть оставила свой след в топонимии города. Не стала исключением и Вятская губерния.

Названия российских городов и других географических объектов стали широко присваиваться петербургским улицам начиная с 1857 г. А первая *Вятская улица* появилась в городе в 1899 г. (официально имя было дано 20 сентября 1900 г.). Она находилась на Аптекарском острове, шла от Вологодской улицы до Лопухинской (сейчас они носят имена соответственно Чапыгина и Академика Павлова). Тогда несколько проездов в этой части острова получили названия по городам Урала и Русского Севера — Уфимская, Пермская (ныне улица Графтио), та же Вологодская. Фактически Вятская улица так и осталась незастроенной, а в 1934 г. вошла в территорию предприятия.

Другая *Вятская улица* возникла, когда в 1912 г. размечали под застройку территорию южнее Александровской слободы, в то время ещё не входившую в состав города. Сейчас это Московский район, а трасса проезда примерно соответствует современной Бассейной улице на участке между проспектами Юрия Гагарина и Космонавтов. Здесь названия давали по разным городам страны без какой-либо системы, и Вятская должна была стать продолжением Эриванской улицы. Однако же, ещё несколько улиц в этом районе получили имена по сибирским городам и рекам — Томская, Обдорская (сейчас этот город называется Салехардом), Енисейская, Нарымский проспект. Из всех перечисленных магистралей сейчас существует он один — под именем проспекта Юрия Гагарина. Не повезло и Вятской улице. Из-за событий 1914–1917 гг. проект застройки Александровской слободы так и остался на бумаге, и после 1925 г. улица исчезла с планов.

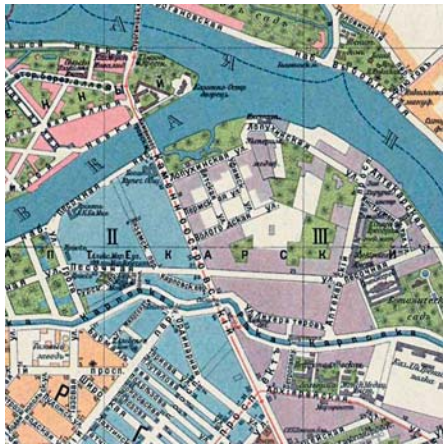
Почти 80 лет Вятских улиц в городе не было. И лишь 10 февраля 2010 г. это имя было дано новой улице в районе коттеджной застройки в Михайловке — западной части посёлка Парголово, входящего в состав Выборгского района Санкт-Петербурга. Ещё в 1960-е гг. здесь появилась традиция именовать улицы по географическим объектам северных и восточных областей России — Ангарская, Дальневосточная, затем Байкальская, Хабаровская… Сейчас здесь уже больше десятка таких названий, среди них и когда-то существовавшие в других районах Петербурга Томская, Енисейская, Вологодская улицы. Новая Вятская улица проходит от Заманиловской улицы до улицы Первого Мая, и можно надеяться, что её судьба окажется счастливее, чем у её предшественниц.

Но этими названиями вятский след в петербургской топонимии

отнюдь не исчерпывается. Много названий дано в честь уроженцев Вятской губернии, и самый известный из них, по крайней мере если судить по числу топонимов, — это Сергей Миронович Киров (настоящая фамилия — Костриков, 1886–1934), в 1926–1934 гг. возглавлявший Ленинградскую партийную организацию и по правилам того времени фактически руководивший городом и областью. Кстати, это ему принадлежит весьма спорная идея вывести Ленинград из подчинения областных органов власти — идея, которая сейчас обернулась постоянными конфликтами между Петербургом и Ленинградской областью, оказавшимися разными субъектами Российской Федерации.

Тем не менее следует признать, что уроженец вятского городка Уржум стал одним из лучших руководителей города за всю его историю. Уже в 1927 г. промышленность Ленинграда превзошла уровень 1913 г. — последнего мирного года Российской империи. В том же 1927 г. на Путиловском заводе был начат выпуск оригинальных тракторов. В 1933 г. на окраине города был открыт новый мясокомбинат, построенный по образцу чикагских боен.

Киров стремился развивать промышленность и в других районах области, охватывавшей тогда значительно бóльшую территорию, нежели теперь, вплоть до Кольского полуострова (Карелия в её состав не входила). По инициативе Сергея Мироновича были развёрнуты добыча и переработка апатитов; был основан город Хибиногорск, ныне носящий его имя. В западной части области начали добывать сланцы. На берегу Невы, недалеко от Шлиссельбурга, строилась 8-я ГРЭС; возникший при ней посёлок Невдубстрой позже также получил имя Кирова. К 1934 г. были построены Крестовский, Каменноостровский, Бабуринский и Батенинский жилмассивы, стадион имени В. И. Ленина (ныне «Петровский»), начато



Вятская улица на Петербургской стороне по плану 1913 г.

Кировский проспект в Ленинграде. Фото 1938–1941 гг.

строительство стадиона «Динамо» и большого стадиона на западной оконечности Крестовского острова, открыт Центральный парк культуры и отдыха (ЦПКиО) на Елагином острове. Число трамвайных маршрутов увеличилось с 20 до 39, появился новый вид городского транспорта — автобус с 15 маршрутами.

1 декабря 1934 г. Киров был убит Л. Николаевым. История его убийства темна и вряд ли будет прояснена до конца. Очевидно одно: именно оно послужило спусковым крючком для начала массовых репрессий.

Уже 15 декабря было принято постановление Президиума Всесоюзного центрального исполнительного комитета об увековечении памяти С. М. Кирова. Обычно центральная власть только предписывала наименовать в честь того или иного деятеля какую-нибудь улицу, а вот какую именно — решали уже на местах. Но здесь — и это исключительный случай! — было точно указано, что следует назвать. Нарвский район, на территории которого располагался Путиловский завод, сам этот завод, ЦПКиО, мясокомбинат, новый стадион, Лесотехническую академию… С последним инициаторы решения явно погорячились — Киров хотя и принимал деятельное участие в судьбе учебного заведения (именно по его инициативе Лесной институт был преобразован в академию), всё же не был ни его основателем, ни выдающимся лесоводом. Почему в честь Сергея Мироновича наименовали ещё и Ленинградский театр оперы и балета, и вовсе нет разумных объяснений, а скабрезные мы опустим.

Главный вход на стадион имени С. М. Кирова. Фото 1955–1956 гг.

Тогда же Крестовский, Елагин острова и соседний остров Трудящихся (который все по-прежнему называли Каменным) были объединены под общим именем *Кировские острова*. И наконец, улица Красных Зорь, на которой в доме № 26–28 жил Сергей Миронович, стала *Кировским проспектом*, а расположенный в её начале мост через Неву — *Кировским*.

В 1935 г. и в последующие годы имя Кирова получило ещё не одно учреждение. Военно-медицинская академия, дворец культуры на Васильевском острове, Дом офицеров, дом отдыха на Каменном острове, завод подъёмно-транспортного оборудования (позже «Подъёмтрансмаш»), завод «Электросила», институт текстильной и лёгкой промышленности (известный в городе под иронической аббревиатурой ЛИТЛП), институт усовершенствования врачей, прядильно-ниточный комбинат, мельничный комбинат… Из всего этого списка к Сергею Мироновичу имеют отношение разве что дворец культуры и ЛИТЛП, строившиеся под его непосредственным руководством, да дом отдыха, где восстанавливала силы

партийно-советская элита. Есть ещё Кировский универмаг, но это скорее производное от имени района.

В новое время судьба этих названий оказалась разной. Мосту в 1991 г. было возвращено историческое имя. Проспект тоже получил старое название, но не «улица Красных Зорь», а предыдущее — Каменноостровский. В советское время оно сохранялось только за маленьким участком магистрали, расположенным на Каменном острове (с 1989 г. остров официально носит прежнее имя). В 1993 г. Кировские острова стали просто *Островами*, как их и именовали испокон веков. Мясокомбинат в 1992 г. получил непонятно откуда взявшееся название «Самсон» (может быть, кто-то решил, что библейский герой был мясником?!), а ныне он и вовсе ликвидирован. Стадион разобрали в 2007 г., а построенный на его месте новый уже не будет носить имя Кирова. Театр вновь стал Мариинским, хотя одно время для экспортного употребления и существовало нелепое словосочетание «Киров-балет».

ЛИТЛП преобразовался в университет, а институт усовершенствования врачей — в академию, и при перевешивании вывесок имя Кирова с них исчезло. ЦПКиО и Военно-медицинская академия его просто тихо потеряли. То же произошло и с «Подъёмтрансмашем» при превращении в акционерное общество, а сейчас его и вовсе нет, как нет «Электросилы», прядильно-ниточного и мельничного комбинатов. Дом отдыха стал гостиницей «Аскур». Район, завод в этом районе, Лесотехническая академия, дворец культуры и Дом офицеров по-прежнему сохраняют имя Сергея Мироновича. Универмаг пытались сделать «Питерским», но бессмысленное название не прижилось, и сейчас он вновь Кировский.

25 мая 1935 г. отдельным постановлением название *Кировской* было присвоено новой площади перед зданием Кировского райсовета, созданной по проекту Ноя Троцкого. В 1938 г. на этой площади установили памятник Кирову работы Николая Томского. Сквер на площади тоже называется *Кировским*. На эти имена, как и на памятник, по счастью, никто не покушается.

Была ещё *Кировская улица* в Дачном, примерно посредине между современными улицей Подводника Кузьмина и Дачным проспектом. Она получила своё имя 24 мая 1950 г., а в 1960-е гг. вошла в квартал новой застройки. *Улицы Кирова* есть и в пригородах Петербурга: Сергиеве, Горелове и Левашове, а ещё *Кировская улица* в Скачках (часть Красного Села). Всё это послевоенные названия; тогда окрестности Ленинграда в массовом порядке застраивались деревянными домиками, призванными хоть как-то справиться с катастрофической нехваткой жилья.

В это же время в юго-восточной части Горелова возник *посёлок Кирова*. Распланировали его своеобразно — нарезали обширные кварталы, так что бóльшая часть домов оказалась внутри, а подъезд к ним должен был осуществляться по местным тупиковым проездам. Может быть, такую планировку вместе с кукурузой привёз из Америки Хрущёв. Обитатели американских

пригородов очень любят жить в тупиках — считают, что так спокойнее. Но Россия не Америка, у нас две беды: дороги и те, кто их обслуживает. Будущие жители посёлка прекрасно понимали, что местные подъезды никто чинить не будет, поэтому очень многие внутренние участки остались незанятыми, так же как и попавшие в пойму ручья. Из-за этого на здешних проездах появились огромные пропуски в нумерации домов. Особенно не повезло идущей вдоль ручья Парковой улице — на ней после 16-го дома идёт 126-й.

Родившийся на Камско-Воткинском заводе Вятской губернии (сейчас это территория Удмуртской республики) великий композитор Пётр Ильич Чайковский (1840–1893), конечно, не менее известен, чем Киров, но городских объектов в его честь названо намного меньше. Главный из них — это *улица Чайковского* в центре города, бывшая Сергиевская, получившая новое имя 6 октября 1923 г. В решении о наименовании указана *улица Композитора Чайковского*, видимо, в целях просвещения широких пролетарских масс. Что характерно: имена революционеров присваивались без поясняющих слов — вероятно, считалось, что их должен знать каждый. Слово «Композитора», впрочем, скоро отпало, а затем возник миф, что магистраль назвали в честь народовольца Николая Васильевича Чайковского (1850–1926). Миф этот поддерживался тем, что соседние Фурштатская и Захарьевская улицы в советское время действительно носили имена народовольцев — Каляева и Петра Лав-

Улица Чайковского. Фото 1930 г.

рова. На самом деле такого быть никак не могло — даже если забыть о тексте постановления, всё равно в 1923 г. Н. В. Чайковский был уже белоэмигрантом и злейшим врагом советской власти. Может быть, всему виной досадная опечатка в популярной в городе «Красной газете», когда в названии улицы слово «Композитора» сократили до буквы «К», но вместо неё наборщик по ошибке поставил «Н».

Присвоение имени композитора этой улице обосновывалось тем, что в 1850-е гг. в доме № 41 жили его родители, которых он навещал, когда учился в Училище правоведения. Обоснование не очень убедительное; логичнее было бы наименовать в его честь Малую Морскую улицу, где он жил и умер и где на доме № 13 установлена мемориальная доска. Однако же эта улица ещё с 1902 г. носила имя Гоголя.

В начале 1960-х гг. в пригородах появились ещё две улицы Чайковского. Одна из них — бывшая 3-я линия в 1-м Парголове — шла параллельно Выборгскому шоссе от дороги в Бугры (примерно на месте нынешней улицы Хошимина) до Заречной улицы и исчезла с началом

новой застройки во второй половине 1970-х гг. Вторая, в Знаменке (часть Петергофа), бывшая Парковая, существует и сейчас. Почему имя Петра Ильича решили дать именно этим улицам — неведомо, но тогда же в другом конце Петродворцового района, в Сергиевской слободе (восточная часть Стрельны), возникла улица Глинки.

Всемирную известность получили и художники Виктор Михайлович Васнецов (1848–1926) и его брат Аполлинарий (1856–1933). Первый из них в родился в селе Лопьял Вятской губернии, второй — в соседнем селе Рябово. Бо́льшая часть их жизни и творчества связана с Москвой, но и Петербург для них не чужой город. Здесь они учились, здесь стали действительными членами Академии Художеств, а Аполлинарий Васнецов работал и как художник-декоратор для Мариинского театра. *Васнецовская улица* получила своё имя недавно, 28 апреля 2016 г.; она находится на крайнем северо-востоке Петербурга, в новом районе, известном как «Цветной город». Здесь многие проезды носят имена, связанные с живописью.

Среди них ещё одна улица, названная тогда же и тоже в честь художника, но родившегося уже в самой Вятке. Это Евгений Иванович Чарушин (1901–1965). Он известен и как замечательный детский писатель, который сам иллюстрировал свои книги. В отличие от Васнецовых, всю свою творческую жизнь, с 1922 г., он провел в Петрограде-Ленинграде.

Ещё один очень известный выходец из Вятской губернии — писатель Александр Степанович Гриневский (1880–1932), печатавшийся под псевдонимом Александр Грин. Он родился в городе Слободском, а в Петербурге впервые появился в 1905 г. как революционер, член партии эсеров, с чужим паспортом. В начале 1906 г. арестован и сослан в Тобольскую губернию. Бежал из ссылки, вновь появился в Петербурге и вновь под чужим именем. В декабре того же года публикует в «Биржевых ведомостях» свой первый рассказ — «В Италию», подписанный «А. А. М-въ».

Первые произведения А. Грина (псевдоним появился в 1907 г.) — это вполне реалистические зарисовки из хорошо известной ему жизни бродяг, городских низов («Малинник Якобсона»), либо из жизни революционеров («Маленький комитет»). Тот Грин, которого мы хорошо знаем, писатель-романтик, «родился» чуть позже, с выходом в 1909 г. рассказа «Остров Рено». Больше трёх лет ему удавалось морочить голову полиции, но в 1910 г. его всё-таки арестовали и сослали на два года в Архангельскую губернию.

Отбыв ссылку, он снова вернулся в Петербург. Отныне с революцией покончено, впереди писательская карьера. Ещё двенадцать лет Грин прожил в нашем городе всего лишь с двумя перерывами: в конце 1916 г., когда он был выслан из столицы и поселился в Финляндии, но с Февральской революцией вернулся в Петроград, и в 1919 г., когда его ненадолго мобилизовали в Красную Армию. Здесь он написал большинство своих произведений, в том числе самое знаменитое — феерию «Алые паруса». В 1924 г. страдавший болезнью лёгких писатель перебрался в Крым, но ещё несколько раз приезжал в Ленинград по литературным делам.

Бульвар Александра Грина появился 12 августа 2014 г. именно там, где он и должен быть — у моря, на юго-западной оконечности Васильевского острова, он идёт от площади Европы к Финскому заливу. К сожалению, слава писателя нещадно эксплуатируется застройщиками и торговцами недвижимостью — помимо жилого комплекса «Алые паруса», возник ещё и «ЯРомантик» (именно так — в одно слово!)

Все знают и уроженца села Сорали Вятской губернии — невролога, психиатра, морфолога и физиолога нервной системы Владимира Михайловича Бехтерева (1857–1927), который в 1893 г. был приглашён в Петербург из Казанского университета, где заведовал кафедрой психиатрии, и стал начальником Военно-медицинской академии. Пятнадцать лет спустя Бехтерев основал и возглавил Психоневрологический институт, а в 1918 г. — ещё и Институт мозга и психической деятельности. С именем учёного связано и рождение нынешней Петербургской государственной медицинской академии имени Н. И. Мечникова.

Значительным вкладом в науку стали работы Бехтерева по изучению морфологии мозга. Он открыл ядра и проводящие пути в мозгу, создал учение о проводящих путях спинного мозга и функциональной анатомии мозга. Учёный разработал объективные методы изучения нервно-психического развития детей, теорию связи между нервными и психическими болезнями.

Первоначально в честь учёного хотели наименовать набережную реки Малой Невки на Каменном острове, где располагалась его дача. Это дом № 25, построенный в 1914 г. по проекту Михаила Калешина и перестроенный в 1956 г. Решение было принято 15 декабря 1952 г., а 28 сентября 1953 г. отменено. То была очень странная история, когда сначала одним махом переименовали 116 проездов, потом отменили решение, а затем, уже в 1954 г., подтвердили его вновь, но за вычетом Ждановского (ныне Приморского) района. А поскольку Каменный остров находился именно в этом районе (позже его передали в Петроградский), то набережная осталась при своём прежнем имени, а для Бехтерева пришлось искать другой проезд.

Поиски, впрочем, были недолгими. Конечно же, имя Бехтерева с самого начала должна была получить Казачья улица, на которой и стоял Психоневрологический институт, давно уже носивший имя Владимира Михайловича. Переименование произошло 21 января 1957 г. Вскоре *площадью Бехтерева* стали

Психоневрологический институт имени Бехтерева. Фото 1911–1912 гг.

называть и круглую площадь в конце этой улицы.

Помнят в нашем городе и уроженца деревни Бутырки Богородского уезда Вятской губернии Леонида Александровича Говорова (1897–1955). Герой Советского Союза, Маршал Советского Союза, с июня 1942 г. до конца войны он командовал Ленинградским фронтом, руководил прорывом блокады в январе 1943 г. и окончательным её снятием в январе 1944 г. *Улица Маршала Говорова* во вновь застраиваемом районе Автово была названа сразу после смерти полководца, 20 декабря 1955 г. Тогда она проходила от улицы Якубениса (теперь Краснопутиловской) до железнодорожной линии, а 17 ноября 1962 г. её продлили на север, до улицы Метростроевцев.

Помимо улицы, в Петербурге есть и *сквер Маршала Говорова*. Он расположен на углу Фонтанки и Московского проспекта, у Артиллерийской академии.

Другие выходцы из Вятской губернии, оставившие след в топонимии нашего города, не столь известны. Павел Данилович Хохряков (1893–1918) родился в Хохряковской деревне Вожгальской волости. С 1914 г. он служил на Балтийском флоте, в начале 1917 г. примкнул к большевикам. В августе того же года отправился делать революцию на Урал, весной 1918 г. возглавил отряд, который переправлял из Тобольска в Екатеринбург Николая II и членов его семьи. В расстреле царской семьи он участия не принимал, так как находился в Тобольске, затем под натиском белых со своим отрядом отступал к Перми и погиб 17 августа 1918 г.

Улица Хохрякова появилась в Ленинграде 23 июля 1939 г. к Дню Военно-Морского Флота; раньше она называлась Переяславской. Это маленькая улочка, раньше соединявшая Миргородскую и Константиноградскую улицы, а ныне, с ликвидацией последней в 1975 г., и вовсе идущая в тупик. Единственное здание на ней — Дом предварительного заключения.

Степан Николаевич Халтурин (1856–1882) происходил из Халевинской деревни (ныне это деревня Верхние Журавли) Орловского уезда. Столяр-краснодеревщик по профессии, в 1875 г. он сблизился с народниками. Вместе с С. П. Обнорским создал «Северный союз русских рабочих», занимался организацией забастовок на петербургских предприятиях. Отсутствие ощутимых результатов такой деятельности привело Халтурина к террористам. В 1879 г. он примкнул к «Народной воле», под чужим именем поступил рабочим в Зимний дворец и 5 февраля 1880 г. организовал там покушение на Александра II. При взрыве были убиты и ранены более 40 человек, в основном ни в чём не повинных солдат, но император, задержавшийся в другом помещении, не пострадал.

Халтурин бежал из Петербурга, скрывался в Москве, затем, уже после убийства императора другой группой народовольцев, ему было поручено убить одесского военного прокурора В. С. Стрельникова. Это поручение Халтурин выполнил, но был схвачен и повешен.

Переяславская улица (будущая ул. Хохрякова). Фото 1881 г.

Улица Халтурина (Миллионная). Фото 1963–1965 гг.

После Октябрьского переворота революционеры-террористы были объявлены национальными героями, и уже к первой годовщине Октября имя Халтурина получила одна из центральных улиц города — Миллионная, ведущая к Зимнему дворцу, а в конце 1930-х гг. — и улица Бедноты в Павловске, ранее называвшаяся Гуммолосаровской дорогой (тогда же к ней присоединили Средний переулок). Ещё одна *улица Халтурина* возникла в 1960-е гг. у станции Старый Петергоф. Мало того — вспомнив о профессии народовольца, в честь него наименовали деревообрабатывающий завод на Тележной улице. В 1970-е гг. в газете «Вечерний Ленинград» можно было прочитать редкостное по тем временам признание: «*Территория завода имени Халтурина — это, по существу, свалка*». С противоположного берега реки Монастырки лицезреть эту свалку могли посетители Митрополичьего сада Александро-Невской Лавры.

Миллионная улица вернула историческое имя в 1991 г., Гуммолосаровская улица (именно в этой форме) — в 2003 г. Завод получил имя «Ясень»; сейчас его не существует. Ныне о террористе Халтурине напоминает только улица в Петергофе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большая топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга: 15 000 городских имён / под ред. А. Г. Владимировича. СПб., 2013.
2. *Владимирович А. Г., Ерофеев А. Д.* Петербург в названиях улиц: происхождение названий улиц и проспектов, рек и каналов, мостов и островов. М.; СПб.; Владимир, 2009.
3. *Конисская Л. М.* Чайковский в Петербурге. Л., 1974.
4. *Тарасенко Н. Ф.* Дом в Крыму. Симферополь, 1976.

В. Ф. Андрейчева

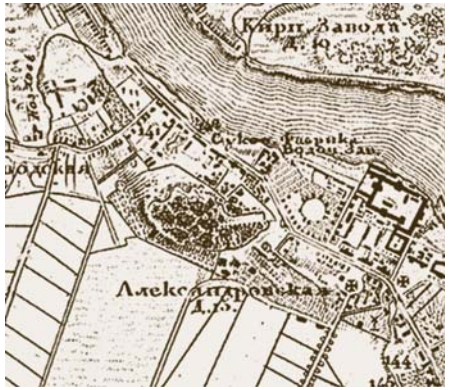
НА МЕСТЕ БЫВШЕГО САДА И МЫЗЫ КАПРИЗ

Сад Каприз. Название из «Галантного века»… Сейчас мало кто знает, да и представить себе не так просто, что на территории нынешнего Невского района Санкт-Петербурга существовал такой сад, причём не так давно (разумеется, по историческим меркам) — во второй половине XVIII в., во время расцвета усадебной дворянской культуры России.

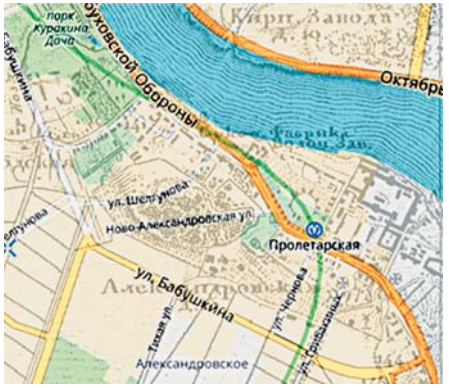
Чтобы лучше представить себе, о чём я собираюсь рассказать, обратимся прежде всего к известной топографической карте Ф. Ф. Шуберта 1831 г., на которую ещё были нанесены очертания этого сада. Наложение на современную карту точно укажет его былое местоположение.

Сад устроил знаменитый екатерининский генерал-прокурор князь Александр Алексеевич Вяземский (1727–1793) в своём обширном имении *Александровское*. Его главная усадьба — большой дом со службами, окружённый парком, — находилась на берегу Невы по левую сторону *Шлиссельбургской дороги* (ныне *проспект Обуховской Обороны*) примерно напротив Троицкой церкви, за свой необычный облик получившей народное наименование «Кулич и пасха»[1].

Краткое, но выразительное описание сада Каприз находим в книге немецкого натуралиста-путешественника Иоганна Готлиба Георги (1729–1802): «*По праву сторону деревни и большой дороги есть*



Фрагмент карты Ф. Ф. Шуберта с нанесёнными на ней очертаниями сада Каприз. 1831 г.



Фрагмент карты Ф. Ф. Шуберта с наложением на современную карту

[1] Подробнее см.: *Андрейчева В. Ф.* Александровское, Мурзинка, Фарфоровый завод: Забытое об известном. СПб., 2012. С. 24–37; *Андрейчева В. Ф.* Троицкое поле // Топонимический альманах. 2016. № 1 (3). С. 2–10.

плоский смешанный лес, имеющий около 3-х вёрст в окружности, сделанный с помощью каналов, прудов, извивающихся и прямых дорог, островков, беседок, храмов, гротов, развалин, пустыньки, качелей и прочими многообразными переменами весьма увеселяющим Английским садом и открытый публике для прогуливания. Подле саду есть небольшая мыза с хорошо выстроенными домами»[2].

Писатель Михаил Иванович Пыляев (1842–1899) несколько десятилетий спустя это описание дополнил: «*Мыза и сад носили название “Каприза”. При входе в сад было прибито следующее стихотворение:*

Капризом назван сад,
в который ты идёшь;
Но странности ты в сём
названьи не найдёшь.
Природой были здесь
места пренебреженны,
Искусством и трудом
теперя украшенны, и т. д.»[3]

Оставшиеся четыре строки, которые М. И. Пыляев цитировать не стал, звучат так:

Здесь, видишь, луг цветёт,
здесь льётся водный ток,
Из блата поднялись
здесь рощи, холмы, горы;
Чем если ты свои
утешишь дух и взоры, —
«И самонравие», скажи:
«не есть порок».

Генерал-прокурор князь А. А. Вяземский

Приведённая надпись, сочинённая, между прочим, в 1783 г. самим Гавриилом Державиным[4], отнюдь не случайна: она свидетельствует о том, что в те времена среди вельмож и у самой императрицы «*считалось неприличным содержать сад и пользоваться им в одиночестве. Среди гостей могли быть люди любого происхождения, лишь бы обыватели вели себя пристойно и не щеголяли в лохмотьях*»[5].

После смерти князя А. А. Вяземского его вдова Елена Никитична, урождённая княжна Трубецкая (1745–1832), огромное имение Александровское содержать не могла и в непродолжительное время распродала его по частям.

[2] *Георги И. Г.* Описание императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопримечательностей в окрестностях оного. Спб., 1794. С. 680.

[3] *Пыляев М. И.* Забытое прошлое окрестностей Петербурга. СПб., 1994. С. 74.

[4] См.: Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота / изд. Имп. Акад. наук. Т. 3. Стихотворения. Ч. III. Спб., 1866. С. 342. *Дополнено ред.*

[5] *Елисеева О. И.* Повседневная жизнь благородного сословия в золотой век Екатерины. М., 2008. С. 217. *Дополнено ред.*

Границы новых владений прошли через сад Каприз. Сама мыза вместе с самой большой частью бывшего генерал-прокурорского имения досталась немецкому купцу Антону Ксаверию Ресалатусу Венкеру. Остальной частью Александровского вместе с домами по правую сторону Шлиссельбургской дороги стали владеть граф Сергей Петрович Румянцев, жена действительного тайного советника Александра Юрьевича Нелединского-Мелецкого Настасья Николаевна (урождённая графиня Головина), купец Садофтьев и позже — его наследники, граф Николай Семёнович Мордвинов и другие[6].

Княгиня Е. Н. Вяземская

Антон Венкер на момент покупки в 1796 г. основной части имения Александровское с мызой, селом, Троицкой церковью, пашнями и лесом прав на владение землёй и крепостными в соответствии с российскими законами не имел, поскольку был лишь купцом, иностранным гостем в Российской империи. Возникшая ситуация требовала срочного исправления.

Для обретения соответствующего статуса Венкер подал прошение Францу II, последнему императору Священной Римской империи, в котором ссылался на гражданскую и военную службу своих предков в Римской империи, а также на необходимость иметь дворянское звание для приобретения земли в России. Он просил о возведении его со всем потомством в дворянское достоинство Священной Римской империи с «присовокуплением» подобающего титула. Просьба была удовлетворена, Венкер получил то, что желал: и потомственное дворянство, и титул барона фон Данкеншвейль[7] (очевидно, по месту, откуда происходил его род). Правда, как иностранец он по-прежнему не имел права владеть российскими крестьянами, однако успешно решил и эту проблему.

Искомое право вместе с российским подданством он получил, уступив казне другую дачу, купленную им у княгини Е. Н. Вяземской, — Еленину, смежную с Александровской мануфактурой. Название Елениной (Олениной, Алениной) дачи возникло только при распродаже Александровского — это была небольшая часть бывшего имения по левую сторону Шлиссельбургского тракта, включавшая огород с оранжереями, конюшнями и другими хозяйственными постройками, расположенными вдоль берега Невы[8].

В 1800 г. императрица Мария Фёдоровна пожелала расширить состоящую в её ведомстве Александровскую мануфактуру, для чего требовалось скупить граничащие с ней земли. За Еленинскую дачу Венкеру было предложено 20 тысяч рублей, однако понятно, что своей выгоды он упускать не хотел и, соглашаясь продать её, назначил цену на 5 тысяч рублей больше. Между тем эта дача для расширения мануфактуры была просто необходима. В результате вопрос решился следующим образом: Венкер предложил уступить Еленинскую дачу безвозмездно в обмен на включение его в состав российского дворянства с безусловным правом владения крепостными. Такой случай российскими законами не предусматривался, но отказать своей матери император Александр I не мог, и с его позволения предложение Венкера было принято[9]. При этом стоит заметить, что баронский

Александровский участок. Фрагмент плана Петрограда из путеводителя, изданного А. С. Суворины в 1916 г.

титул фон Данкеншвейль по отношению к А. Венкеру и членам его семейства употребляется только в официальных документах, связанных с владением недвижимостью; в церковных книгах они называются просто Венкерами.

Крестьяне же села Александровского, купленные Антоном Венкером вместе с землёй, в некоторых записях в консисторских книгах стали называться «венкерскими»[10]. По-видимому, такое название прижилось и стало обиходным в окру́ге. Постепенно истинный его смысл забылся, стал непонятен, и местные крестьяне из «венкерских» обратились в «венгерских». Этим и объясняется появление на картах начала XX в., фиксирующих состояние территории

[6] Подробнее см.: *Андрейчева В. Ф.* Александровское, Мурзинка, Фарфоровый завод: Забытое об известном С. 38–40.

[7] ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 6. Д. 216. О внесении в дворянскую родословную книгу Санкт-Петербургской губернии рода дворянина Антона Мартыновича сына Венкер фон Данкеншвейль. 1801–1848 гг.

[8] В начале XXI в. на этом месте возвели огромный дом — жилой комплекс «Молодёжный», имеющий в плане вид подковы.

[9] РГИА. Ф. 468 Оп. 43. Д. 648. Прошения разных лиц на Высочайшее имя (из дел докладчиков). 1801 г. Л. 1–28.

[10] Там же. Ф. 19. Оп. 111. Д. 230. Метрические книги 1828 г. Троицкая церковь с. Александровского. Л. 168.

вокруг Троицкой церкви, необычного здесь топонима *Венгерка*.

Барон Антон Ресалатус Венкер фон Данкеншвейль скончался 12 апреля 1821 г. в возрасте 74 лет в Александровском и был погребён на Волковском лютеранском кладбище[11]. Его вдова Каролина (Шарлота) Ивановна оставалась владелицей Александровского до 1834 г., когда имение было продано барону Константину Антоновичу Шлиппенбаху[12].

Следующий владелец имения, барон К. А. Шлиппенбах, происходил из лифляндских дворян, но принадлежал к греко-российскому вероисповеданию, то есть был православным. Родового имущества он не имел и служил в лейб-гвардии Преображенском полку.

Барон К. А. Шлиппенбах

Один из примечательных фактов его биографии — в 1831 г., в чине генерал-майора, он был назначен командиром Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров[13], в которой два года (с ноября 1832 по ноябрь 1834 г.) обучался М. Ю. Лермонтов.

Бабушка Михаила Юрьевича, Елизавета Алексеевна Арсеньева, урождённая Столыпина, была в дальнем родстве с женой Константина Антоновича, Маврой Николаевной, урождённой Смирновой, и навещала Шлиппенбахов в имении Александровском[14].

Командир Школы гвардейских подпрапорщиков К. А. Шлиппенбах характеризовался как человек умный, но резкий, крутой и строгий. К достоинствам его относилось умение держать в руках подчинённых и ценить труды ближайших своих помощников[15]. К своим 45 годам, то есть в 1839 г., он был награждён многими российскими орденами.

В 1843 г. К. А. Шлиппенбах был назначен директором Первого кадетского корпуса. В 1859 г. он скончался и стал первым из владельцев имения Александровского, погребённым на приходском кладбище Троицкой церкви села Александровского, находившегося на границе с Мурзинкой. Место было семейным: ещё в 1845 г. здесь похоронили его младшую дочь Екатерину[16], в 1848 г. — его мать Марию Сергеевну, урождённую Миних[17]. В 1860 г. на этом же кладбище обрела покой жена К. А. Шлиппенбаха, баронесса Мавра Николаевна[18]; в 1870 г. появилась могила их сына — барона Михаила Константиновича Шлиппенбаха[19].

После смерти К. А. Шлиппенбаха его имущественные и семейные дела оказались не в лучшем состоянии. Имение Александровское со всей имеющейся там движимостью, а также весь оставшийся после него капитал в наличных деньгах и ценных бумагах он завещал своей тогда ещё незамужней дочери Марии. Из доходов, получаемых с Александровского, она должна была выплачивать проценты на лежавший на имении долг, а также выдавать пожизненно пенсию своей матери, брату Михаилу и сестре Анне, в замужестве Арнольди[20].

Александровское с бывшим садом Каприз на карте из «Атласа реки Невы от Санкт-Петербурга до Ладожского озера». 1864 г.

Баронесса Мария Константиновна Шлиппенбах вышла замуж за гвардии ротмистра графа Адольфа Людвиговича фон дер Шуленбурга. В 1864 г. она продала часть Александровского западнее Николаевской железной дороги немецким колонистам — новосаратовским, ижорским и стрельнинским — которые, разбогатев, стали покупать пригородные земли, пригодные для земледелия[21]. Основанная здесь новая немецкая колония получила название *Новоалександровской*.

[11] *Саитов В.* Петербургский некрополь. Т. 1. Спб., 1912. С. 409.

[12] ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 6. Д. 216. Л. 45–46 об.

[13] ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 6. Д. 594. О внесении в Дворянскую родословную книгу Санкт-Петербургской губернии рода генерал-майора барона Константина Антоновича Шлиппенбаха. 1839 г.

[14] *М. Г.* Шлиппенбах Константин Антонович // Лермонтовская энциклопедия / гл. ред. В. А. Мануйлов. М., 1981. С. 626–627; Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 2005. С. 213; *Рожков И. А.* Заглянуть за документ: Отношения родства и свойства в жизни М. Ю. Лермонтова. Ист.-генеалог. исслед. // М., 2011. № 9. С. 124.

[15] Исторический очерк Николаевского кавалерийского училища. Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. 1823–1873. Спб., 1873. С. 94–97.

[16] ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 124. Д. 282. Метрическая книга Троицкой церкви. 1845 г. Л. 564об. Запись 54ж.

[17] *Саитов В.* Указ. соч. Т. 4. С. 558.

[18] ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 124. Д. 299. Метрическая книга Троицкой церкви. 1860 г. Л. 525 об. Запись 9ж.

[19] Там же. Д. 321. Метрическая книга Троицкой церкви. 1870 г. Л. 364 об.–365.

[20] Там же. Ф. 190. Оп. 9. Д. 1111. Дело графини фон дер Шуленбург о выкупе крестьянских наделов в селе Александровском. 1874 г. Л. 15–18.

[21] Там же. Ф. 262. Оп. 11. Д. 6. Межевая книга Санкт-Петербургской губернии и уезда на участок, образовавшийся по размежеванию под названием села Александровского. 1864 г.

Сведений о том, были ли у Марии Константиновны дети, не имеется (во всяком случае, если они и рождались, никто из них до взрослого возраста не дожил). Она умерла в 1878 г. в возрасте 65 лет и была похоронена на престижном кладбище петербургского Новодевичьего монастыря[22]. Имение Александровское она завещала Алексею Васильевичу Каменскому, с которым Шуленбурги состояли в родстве. Последний был женат на племяннице А. Л. Шуленбурга, одной из дочерей графа Эдуарда Людвиговича Шуленбурга — Ольге Эдуардовне[23]. К тому же имеются данные, что А. В. Каменский, будучи незаконнорождённым, воспитывался в Александровском, в семье Шуленбургов. В результате он стал последним помещиком Александровского, владевшим имением до революции 1917 г., после которой частная собственность на землю была отменена, недвижимость — экспроприирована. При этом судьба самого А. В. Каменского, родившегося в 1858 г., пока остаётся неизвестной.

К началу 1930-х гг. на месте усадебного дома в Александровском по проекту В. А. Щуко и В. Г. Гельфрейха был построен в стиле конструктивизма Дом культуры им. Ленина завода «Большевик»[24], в народе просто Клуб Ленина. Позже его статус был повышен до Дворца культуры им. Ленина, а сейчас он называется Культурный центр «Троицкий».

Строящийся Дом культуры им. Ленина. Фото из заводской газеты «Большевик». № 25. 1929 г.

Как выглядел бывший усадебный дом села Александровского, и каким образом он исчез?

В № 25 заводской газеты «Большевик» от 7 ноября 1929 г., на второй странице опубликована фотография, изображающая строящийся Дом культуры. Посмотрим внимательно на это старое изображение. По какой-то причине фотограф выбрал для съёмки «задворки» будущего Дома культуры. Может быть, такой ракурс был обусловлен чисто технической причиной — его строящуюся парадную сторону просто-напросто оказалось неудобно снимать? Однако почти тот же вид выбран и для другой фотографии, появившейся в газете «Большевик» в том же году несколько ранее — в № 19, на четвертой странице. К сожалению, в печатном воспроизведении эта фотография получилась очень плохого качества, хорошо виден только передний план — пруд с плавающими на нём утками.

Обе фотографии сделаны со стороны *Ново-Александровской улицы*. Ориентиром для определения направления съёмки служат круглые окна на углу высокой части здания Дома культуры.

При сравнении двух этих фотографий с современными снимками (и, конечно, при непосредственном визуальном осмотре) сразу же заметна разница между обликом существующего здания, в целом представляющего собой, как уже было отмечено, характерную общественную постройку в стиле конструктивизма, и нижней частью его заднего фасада, отличающейся приземистостью и «заглублённостью». При внимательном рассмотрении в ней действительно можно увидеть симметричный фасад некогда существовавшего здесь старого усадебного дома, уже значительно «вросшего в землю».

Возможно, старое здание не было разобрано полностью, и какая-то его часть сохранилась до сих пор в виде подсобных помещений Дома культуры, что отражается и на интерьерах здания.

Более достоверные данные сейчас представить невозможно, но и собственные воспоминания местных жителей, старожилов Невского района, в том числе моей мамы, подтверждают: Дом культуры строился именно на месте усадебного дома А. В. Каменского. Может быть, побудительной причиной сделать такие снимки стал вовсе не ракурс? Как знать, возможно, неизвестный фотограф оставил таким образом своеобразную «заметку на память» для своих современников и будущих историков бывшего села Александровского...

В том же № 25 заводской газеты «Большевик» за 1929 г. на второй странице напечатана статья «Сегодня наш праздник (Открытие Дома культуры им. Ленина)» Ф. Вершинина, в которой читаем: *«Огромный зрительный зал и балкон вместят 7-го ноября 877 большевиков. Рядом уже заканчивается и приводится в порядок спортивный зал с душем, а дальше идут малый зал, раздевальня, кладовые, огромное фойэ, вестибюль, буфет, столовая, кинолекторский зал и т. д. Всех комнат*

Строящийся Дом культуры им. Ленина со стороны пруда. Фото из заводской газеты «Большевик». № 19. 1929 г.

Культурный центр «Троицкий», бывший Дворец культуры им. Ленина. 2017 г.

[22] *Саитов В.* Указ. соч. Т. 4. С. 604.

[23] РГИА. Ф. 1343. Оп. 35. Ед. хр. 10465. Правительствующего Сената департамента геральдии дело по именному Высочайшему указу, данному Правительствующему Сенату в 18 день июня 1910 года, о предоставлении отставному штаб-ротмистру Алексею Каменскому с нисходящим потомством пользоваться правами потомственного дворянства. 1910 г. Л. 7–8.

[24] *Первушина Е. В.* Ленинградская утопия: авангард в архитектуре северной столицы. М.; СПб., 2012. С. 224–225.

Дворец коммунистов Обуховского района. 1927–1929 гг. Из книги М. Д. Розанова «Обуховцы». 1965 г.

не пересчитать. По широкой лестнице поднимаемся на второй этаж. Здесь широкие площадки для пляжа, где рабочий после трудового дня развалится и будет загорать на солнце. Таких площадок Дом культуры имеет четыре. Снова лентой протянулись перед нами огромные и светлые залы, книгохранилища, читальня, балконы и т. д.

Поднимаемся на третий этаж, уже картина иная: детские уютные комнаты, спальня, светлый детский зал, комнаты для отдыхающих родителей и опять зал для взрослых и т. д. Выходим на балкон — живописная картина: огромный сад с вековыми деревьями и клумбами, а дальше снова — комнаты, фойэ, комнаты и комнаты…».

В новое здание переместился Дворец коммунистов Обуховского района, существовавший с 1927 г. и размещавшийся в старинном здании, современный адрес которого — проспект Обуховской Обороны, 120Л (таблички с номером на здании нет). В целом фасад этого дома сохранился до наших дней без переделок, разве что портик был разрушен в годы Великой Отечест-венной войны и до сих пор не вос-становлен. Сейчас его можно уви-деть только на старой фотографии, помещённой в книге «Обуховцы» М. Д. Розанова, выпущенной Лениз-датом в 1965 г.

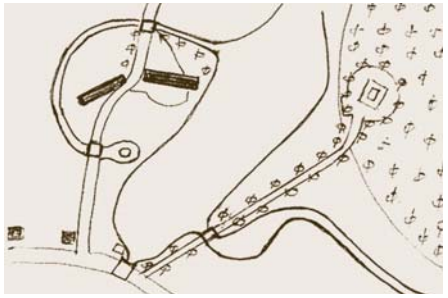
Интерьеры Дома культуры изна-чально не отличались высококаче-ственной отделкой. Во время ре-монта, проводившегося во второй половине 1950-х гг., стены в большом актовом зале были отделаны искусственным мрамором и лепни-ной. Решение о переименовании Дома культуры им. Ленина в Дво-рец культуры было принято Президиумом Облсовпрофа 29 сентября 1964 г.[25] После ремонта 2006–2008 гг., когда внутренняя отделка приобрела современный вид, здесь открылся Культурный центр «Троицкий».

Круглый в плане маленький пруд перед зданием бывшего Дома культуры существовал до середины 1950-х гг., когда на том месте, где сейчас остался только постамент, 19 апреля 1956 г. был открыт памятник В. И. Ленину (скульптор П. И. Бондаренко, архитектор Е. Н. Сандлер[26]) В начале 1990-х гг. памятник был снят. Посреди пруда был островок с большим деревом. В первой половине 1950-х гг. на пруду даже катались на лодках — несмотря на то, что им там было очень тесно.

Чаша пруда была довольно глубокой, и вниз вела лестница, по бокам которой стояли две старинные чугунные статуи львов. Когда пруд засыпали и на его месте поставили памятник В. И. Ленину, скульптуры переместили к главному входу в Дом культуры, где они, прямо сказать, выглядели не очень уместно. Потом, кажется, в конце 1980-х гг., львы пропали — к счастью, не навсегда. Впоследствии выяснилось, что их перенесли на территорию завода «Большевик», ныне снова Обуховского. Не так давно заводской музей переехал в новое помещение — отреставрированное здание бывшей заводской амбулатории (проспект Обуховской Обороны, 122), и статуи львов, также отреставрированные, теперь находятся перед входом в этот музей. Они точно такие, как в Павловске на берегу реки Славянки у подножия Большой каменной лестницы, ведущей к дворцу.

Маленький пруд показан уже на плане 1822 г.[27], где он имеет неправильную форму, но островок в его середине уже есть. Там же, справа от строений усадьбы, показан другой, большой продолговатый пруд — тот самый, который виден на газетной фотографии 1929 г. с плавающими в нём утками. Между большим и малым прудами существовала дугообразная протока.

Памятник В. И. Ленину перед Дворцом культуры им. Ленина. Фото Феофиловой. 1968 г. Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга



Выкопировка из плана Александровской мануфактуры. 1822 г.

[25] *Махаев Г. И.* Народная культура за Невской заставой XIX–XX веков. СПб., 2013. С. 90.

[26] *Калинин Б. Н., Юревич П. П.* Памятники Ленинграда и его окрестностей: Справочник. 2-е изд., испр. и доп. Л., 1965. С. 20.

[27] РГИА Ф. 759. Оп. 95. Д. 52. Александровская мануфактура. Генеральные планы. Акварель (без подписи). Л. 8.

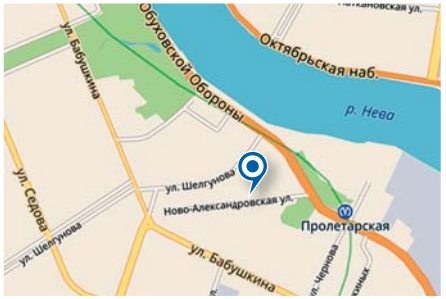
Спустя некоторое время после того как был снят памятник Ленину, на постаменте появилось произведение «современного искусства» в форме яйца, составленного из автомобильных дисков, но простояло оно недолго.

В 2018 г. сквер официально получил имя Николая Львова (1753–1803) — как считается, архитектора Троицкой церкви. Достойным выходом из многолетнего недоразумения со свободным постаментом представляется установка на нём памятника этому русскому энциклопедисту XVIII в., который был близок к князю А. А. Вяземскому и, несомненно, осуществил в его усадьбе и какие-то другие работы (так, возможно, именно Н. А. Львов является автором проекта здания на проспекте Обуховской Обороны, 120Л).

В начале 1950-х гг. ещё оставалось впечатление, что сквер перед клубом Ленина когда-то был частью старого парка. В нём росли старые, корявые липы. Да и в упомянутом № 25 газеты «Большевик» за 1929 г. сквер представлен как огромный сад — действительно, тогда он был значительно обширнее. В ходе реконструкции, связанной с установкой памятника В. И. Ленину, липы выкорчевали, сквер перепланировали и засадили новыми деревьями.

На плане 1822 г. хорошо просматривается аллея, ведущая к какому-то сооружению; то же самое показано на планах 1810 и 1831 г.[28] Местонахождение этой постройки совпадает с расположением поныне существующего искусственного холма. Направление же аллеи соответствует нынешней Ново-Александровской улице, проходящей между проспектом Обуховской Обороны и улицей Бабушкина, вблизи станции метро «Пролетарская» и парка Куракина дача[29].

Ново-Александровская улица выглядит современной. С начала



Ново-Александровская улица на современной карте Санкт-Петербурга

[28] Обуховский завод: 150 лет во славу Отечества. 1863–2013. СПб., 2013. С. IV, VIII.

[29] Об истории этого места см.: *Андрейчева В. Ф.* Куракина дача сквозь века // Топонимический альманах. 2017. № 1 (5). С. 39–47.

1960-х гг. она застраивалась пятиэтажными домами-«хрущёвками», а в последние годы здесь появился большой новый дом № 14, который строился в несколько очередей. Между тем улица имеет давнюю и интересную историю. В начале XX в. в бывшем селе Александровском она была третьей по заселённости и «престижности» после Шлиссельбургского проспекта и Троицкой улицы (современной улицы Грибакиных).

В «Большой топонимической энциклопедии Санкт-Петербурга» о ней написано так: «*Наименование известно с 1896 г. Дано по с. Александровскому, которое получило своё название по имени его владельца генерал-прокурора князя Александра Алексеевича Вяземского*»[30]. Указанный 1896 г. — это первый год выпуска ежегодного справочника «Весь Петербург». Понятно, что улица должна была существовать уже за какое-то время до его выхода, хотя на карте Санкт-Петербурга и Санкт-Петербургской губернии съёмки 1870–1890 гг. она ещё не показана.

В начале XX в. Ново-Александровская улица была знаменита церковью во имя преподобного Серафима Саровского, находившейся на том самом искусственном холме. Храм был построен Обществом распространения религиозно-нравственного просвещения и освящён в 1906 г. Дом, переделанный в храм по проекту архитектора И. Т. Соко-

Фрагмент карты Санкт-Петербурга и Санкт-Петербургской губернии. 1870–1890 гг.

лова, пожертвовал местный житель, потомственный почётный гражданин Иван Иванович Труснов[31].

Сам И. И. Труснов, судя по спра-вочникам «Весь Петербург», владел в окру́ге несколькими домами. По воспоминаниям старожилов один из них, располагавшийся на *Николаев-ской улице* (вблизи Ново-Александровской), был заселён множеством бедных приезжих людей. Местные жители называли этот дом Труснов-ской лаврой по аналогии с Вязем-ской лаврой у Сенного рынка.

Скончался И. И. Труснов 29 июля 1916 г. в возрасте 86 лет от кровоизлияния в мозг. В метрической книге Троицкой церкви за 1916 г. была сделана такая запись: «*Погребён*

[30] Большая топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга: 15 000 городских имен / Под ред. А. Г. Владимировича. СПб., 2013. С. 306.

[31] *Антонов В. В., Кобак А. В.* Святыни Санкт-Петербурга: Ист.-церк. энциклопедия. Т. 2. СПб., 1996. С. 275–276.

Преосвящённым Геннадием Епископом Нарвским с причтом в ограде Серафимовской церкви Общества религиозно-нравственного просвещения в духе Православной церкви в селе Александровском»[32]. Нельзя исключать, что его прах по-прежнему находится где-то в земле рядом с фундаментом храма Серафима Саровского. Кстати, до постройки стоящего рядом дома № 14 позади несохранившейся церкви стоял ещё и краснокирпичный дом, вероятно, предназначавшийся для деятельности Общества распространения религиозно-нравственного просвещения.

Сейчас от церкви и дома при ней остался лишь холм, который довольно странно выглядит на фоне огромного нового жилого здания. Понятно, что возраст этого холма

Группа прихожан у церкви во имя Преподобного Серафима Саровского на Ново-Александровской улице. 1911 г. Фотография любезно предоставлена потомственной жительницей Невского района Людмилой Викторовной Ивановой

[32] ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 127. Д.3282. Метрическая книга Троицкой церкви. 1916. Л. 248об.–249. Зап. 98м.

намного больше, чем история Ново-Александ ровской улицы как тако-вой. Вероятнее всего, он искусст -венный и появился в результате вы-емки грунта при устройстве в усадь-бе Александровское большого продолговатого пруда, показанного на вышеуказанном плане 1822 г.

Сейчас на фундаменте старого храма предполагается построить новый. Пока же на холме установлен поклонный крест. Стараниями местных жителей вокруг него устроен большой цветник.

Есть на Ново-Александровской улице и другие достопримечательности. Так, между домами №№ 3 и 5а, внутри квартала, расположено старинное краснокирпичное здание пекарни (таблички с адресом на доме нет), которая лет десять назад ещё работала. Здесь можно было купить свежеиспечённый хлеб, продававшийся прямо из крайнего окна на первом этаже.

До революции 1917 г. пекарня принадлежала Николаю Тимофеевичу Тимофееву, после его смерти — наследникам и продолжателям его торгового дела Ивану Матвеевичу Истомину и Дмитрию Ивановичу Рябкову[33]. Владельцы пекарни много лет безвозмездно снабжали хлебом народную школу Павла Петровича Щетинина, дяди композитора Александра Николаевича Скрябина.

Дом № 5а внешне имеет конструктивистский облик, хотя на самом деле он более старый. Просто нынешний свой вид он приобрёл в результате перестройки около 1930 г., ранее же его высокая часть выглядела наподобие башни. В 1916 г. в этом доме находился кинематограф «Марс»[34].

[33] РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 2163. По просьбе Павла Щетинина о вспомоществовании на устроенную им в селе Императорского фарфорового завода народную школу. О передаче означенной школы в ведение Правления Невского общества пособия бедным. 1892–1910. Л. 130–131, 210–212; Весь Петроград на 1916 г. Пг., 1916. С. 467.

[34] Весь Петроград на 1916 г. С. 2137.

Очень интересен деревянный двухэтажный дом № 23 постройки 1894 г. Здесь в комнате слесаря Обуховского завода Василия Андреевича Шелгунова (1867–1939) в конце XIX в. собирался марксистский рабочий кружок, который посещал молодой Владимир Ульянов (Ленин). Благодаря этому здание и уцелело в то время, когда территория вокруг него застраивалась «хрущёвками».

В день 100-летней годовщины со дня рождения В. А. Шелгунова, 8 августа 1967 г., здесь был открыт Народный музей революционной истории Невской заставы. В результате без более-менее подробного рассказа об этом доме, ещё совсем недавно, казалось бы, обречённом на снос, теперь уже не обходилось ни одно соответствующее издание[35], а в серии «Туристу о Ленинграде» даже была выпущена отдельная брошюра о нём[36].

В 1970 г. уже в связи со 100-летием самого В. И. Ленина вокруг музея начала оформляться мемориальная площадка. Главной в композиции стала гранитная стела с горельефным портретом Ленина (скульптор В. И. Трояновский), открытая в 1974 г. Рядом в том же году были установлены бюсты на высоких постаментах, представляющие членов «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», в честь которых получили названия улицы Невского района. Их пять: И. В. Бабушкин (скульптор А. М. Игнатьев), Г. М. Кржижановский (скульптор Е. А. Гендельман), Н. К. Крупская (скульптор Л. М. Холина), А. В. Шотман (скульптор А. А. Мурзин) и сам В. А. Шелгунов (скульптор Н. С. Кочуков). Архитектор мемориальной площадки — А. Г. Леляков.

Вид на Ново-Александровскую улицу со стороны Шлиссельбургского проспекта. 1934 г. Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга

В 1992 г. с изменением статуса поменялось и название музея: теперь это историко-краеведческий музей «Невская застава». Его интересная экспозиция состоит из нескольких выставок, позволяющих проследить, как менялся облик района за Невской заставой с начала XVIII до конца XX в.; сохранена и мемориальная комната В. А. Шелгунова[37]. Правда, посетить музей в настоящее время нельзя — с 19 июня 2017 г. он закрыт на ремонт и реконструкцию, сроки которых явно затягиваются.

В 2016 г. был снесён симпатичный двухэтажный каменный дом № 6а с деревянным мезонином, который мог бы остаться памятником истории и придать микрорайону своеобразный шарм. Вместо него ведётся строительство гораздо более масштабного и высокого здания медицинского центра, который будет частично ограничивать обзор из окон дома № 14.

[35] См., например: *Бондаревская Т. П., Великанова А. Я., Суслова Ф. М.* По ленинским адресам. Л., 1983. С. 46–50.

[36] *Шилов В. В.* Народный музей революционной истории Невской заставы: «Домик В. А. Шелгунова». Путеводитель. Л., 1987.

[37] Музей «Невская застава»: Буклет-путеводитель / Сост.: Е. К. Григорова, Н. М. Курносова, Л. Ю. Леоненко и др. СПб., 2004.

По воспоминаниям Валерии Александровны Стрелецкой, урождённой Волхонской, дом № 6а выстроил для своей семьи её отец, Александр Иванович Волхонский (помимо этого на Ново-Александровской улице он возвёл ещё доходные дома № 6, 8, 10 и 12, что подтверждается справочником «Весь Петроград»[38]). Дом имел ещё и деревянную пристройку, в которой была летняя столовая. Мезонин предназначался для прислуги, на втором этаже жила семья хозяина, а в нижнем этаже находились служебные помещения. Во дворе дома были конюшня, каретный сарай и прачечная.

После революции 1917 г. все свои дома А. И. Волхонский сдал государству. Из дома № 6а его с семьёй не выселили[39]. Из всех домов, построенных им, доныне уцелел лишь один — № 6, но выглядит он печально…

Ещё один здешний микротопоним — «корабли». Помню то время, когда о некоторых из местных жителей говорили: «он жил в “кораблях”». Так назывались дома для бедных, представлявшие собой бараки с нарами, которым М. Д. Розанов, автор книги об истории завода «Большевик» (бывшего Обуховского сталелитейного завода), даже посвятил отдельную главку[40].

Кроме Ново-Александровской улицы, на месте бывшего сада Каприз со временем появилась сеть других проездов: *Станционная улица, Новопроложенная* и другие. Станционная улица получила своё название

Этот же дом в 1957 г. Из книги «Достопримечательности Ленинграда». Л., 1961

[38] См.: Весь Петроград на 1916 г. С.467.

[39] Сообщено В. А. Стрелецкой.

[40] См.: *Розанов М. Д.* «Корабли» // *Он же*. Обуховцы. Л., 1965. С. 57–59.

Ново-Александровская улица на карте Ленинграда. 1933 г.

от находившейся рядом станции конно-железной дороги, проходившей по Шлиссельбургскому проспекту. Новопроложенную улицу в 1941 г. переименовали в *Мариупольскую*. В 1962 г. Станционная и Мариупольская улицы были объединены в *улицу Шелгунова*. При этом часть Станционной улицы, примыкавшая к улице Бабушкина, и многие другие проезды были упразднены[41]. Позже в состав улицы Шелгунова вошёл новый участок. Теперь она проходит от проспекта Обуховской Обороны до улицы Кибальчича.

Последнее, на что необходимо обратить внимание — Станционные бани. Они построены на бывшей Станционной улице в 1934 г. по проекту архитектора Николая Фёдоровича Демкова (1894–1941) в стиле конструктивизма[42] как необходимый и обязательный элемент городской застройки. В 1930-е гг., да и ещё долго после войны, в жилых домах этого района ванные комнаты были редкостью (чаще всего в них даже водопровода не было). До появления Станционных бань жители бывшего села Александровского пользовались баней при Обуховском заводе (ныне проспект Обуховской Обороны, 259), лишившейся своего красивого фасада при обстреле во время Великой Отечественной войны. Современный адрес здания Станционных бань — улица Шелгунова, дом 3, корпус 1.

Станционные бани. 1930-е гг.

Других памятных достопримечательных мест на улице Шелгунова нет. Так же, как и Ново-Александровская улица, с 1960-х гг. она застраивается типовыми жилыми домами, ничем не примечательными внешне и не имеющими пока интересной истории.

[41] Большая топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга. С. 480.

[42] *Первушина Е. В.* Указ. соч. С. 262–263.

А. Д. Ерофеев

ЗАБЫТЫЕ ГЕРОИ РЕВОЛЮЦИИ

В октябре 1918 г. в Петрограде произошли первые массовые, сугубо идеологические переименования. Конечно, сам идеологический контекст появился намного раньше. Уже в начале Первой мировой войны сам город Петербург был переименован в Петроград, а внутри него началось уничтожение немецких названий. ***Улица Шнейдера****, именовавшаяся по фамилии хозяина Тентелевского химического завода, превратилась в* ***Тихомировскую*** *благодаря ходатайству домовладельца Евгения Тихомирова, дом которого находился на углу с Петергофским шоссе (теперь проспект Стачек).* ***Немецкий переулок*** *за Московской заставой превратился в* ***Русскую улицу*** *и т. д. Однако в 1914 г. не было всё же массовых переименований. Но лиха беда начало.*

И вот к годовщине Октябрьской революции, которая тогда самими большевиками скромно именовалась переворотом, в одночасье были изменены названия полусотни улиц. Сегодня мы расскажем о людях, которых пытались увековечить в первые послереволюционные годы, но о которых тем не менее забыли уже спустя год или два.

Не всем им достались улицы — имена присваивались фабрикам и заводам, общежитиям, аптекам и даже казармам. Так, например, существовали казармы имени товарища Сергеева, военкома Гатчинского стрелкового полка, погибшего 26 августа 1919 г. у деревни Переволоки.

Был гараж имени товарища Садовского на Конюшенной площади…

Более всего героев революции, оказавшихся забытыми вскоре после смерти, пришлось на Царское Село, которое уже превратилось в Детское Село имени Урицкого, но ещё не стало городом Пушкиным.

Хотя в 1919 г. имя поэта и дали одной из улиц (Садовой, а отнюдь не нынешней Пушкинской), но превалировали, конечно, известные деятели, связанные с революцией, — Маркс и Энгельс (в честь них назвали специально разделённую на две части *Дворцовую улицу*; через пять лет она получила имя убийцы императорской семьи А. Г. Белобородова, а затем — воздухоплавателя А. Б. Васенко; имя Маркса перенесли на *Магазейную улицу*, а об Энгельсе и вовсе забыли), конечно же, Урицкий (*шоссе Урицкого*, после войны ставшее *Парковой улицей*) и Володарский (*Захаржевская улица*)… Авторов Коммунистического манифеста и убитых эсерами председателя петроградской ЧК и пламенного агитатора, основателя «Красной газеты», конечно, помнили все, а вот кто такая Лидия Сухова, имя которой присвоили *Средней улице* в апреле 1918 г., забыли уже через год, переименовав улицу её имени в *улицу Коммунаров*[1].

Чуть дольше просуществовали *улица Тюкина* (позже *улица Лермонтова*, ныне вновь *Гусарская*) в честь

[1] Исторические названия были возвращены улицам Пушкина в 1993 г.

председателя Отдельной Царскосельской социалистической красной батареи; *улица Чеплыгина* и несуществующая ныне *улица Цыкунова*. О последнем известно, что звали его Никифором, что погиб он 4 июня 1919 г. на Восточном фронте. Воевать за светлые идеалы революции он ушёл из Детского Села, куда был направлен из Колпина, где работал на Ижорском заводе и был активным участником колпинской большевистской организации. В Детском же Селе он стал членом Детскосельского уездного исполкома. Прямо по Сергею Есенину: *«Он был сыном простого рабочего, / И повесть о нём очень короткая…»*

Ещё короче повесть о Чеплыгине. Он, как и Цыкунов, погиб в боях Гражданской войны летом 1919 г., будучи секретарём Отдельной Царскосельской Социалистической красной батареи. Ни имя, ни фамилия его неизвестны. В газетной статье «Памяти товарища Чеплыгина» нет даже инициалов; возможно, автор, писавший её, и сам уже не помнил ничего об этом человеке. Даже улицу в его честь назвали неправильно — *улицей Чаплыгина*. И неудивительно, что через четыре года ей дали новое имя — *улица Первого Мая*. Ныне это вновь *Конюшенная улица*.

Значительно дольше просуществовал *Кустов переулок*, который с 1919 г. носил имя А. О. Кустова, заместителя председателя Детскосельского городского совета, состоявшего в этой должности с 1918 г. и до своей смерти на фронте в 1919 г. После Великой Отечественной войны, к 150-летию Пушкина, переулок стал *Лицейским*, поскольку фасад здания Царскосельского лицея, в котором учился юный Пушкин, выходит сюда.

В самом Петрограде в 1920-е гг. тоже помнили далеко не всех, кто ещё недавно казался героем на все времена.

На Звенигородской улице, 10, находился Дом коммунистического воспитания молодёжи имени М. В. Глерона. Когда это имя присваивали, Мишу Глерона знали, наверное, многие комсомольцы, ведь он был командиром взвода отряда особой тройки Реввоенсовета. Однако прошло немного времени, и среди тех, кого помнили, этого имени не оказалось. Комсомольцы забыли о его боевых заслугах во время Гражданской войны. Имя Глерона не всплыло и десятилетия спустя, когда в перестроечные и постперестроечные годы из небытия вытаскивали имена «особо отличившихся» в борьбе с политическим противниками, не принимавшими власть Советов.

Бесследно в середине 1920-х гг. исчезло из названия клуба Союза кожевников имя Иосифа Дицгена, немецкого рабочего, приехавшего в Петербург и ставшего одним из первых пропагандистов учения Карла Маркса.

То же самое можно сказать и о товарище Зорине (Сергее Семёновиче Гомберге), участнике революционного движения, председателе Петроградского Революционного трибунала, комиссаре по иностранным делам Союза коммун Северной области в 1919–1921 гг., ответственном секретаре Петроградского горкома ВКП(б), имя которого ещё при его жизни носил клуб на станции Сортировочной.

Исчезло оно в середине 1930-х гг., также при его жизни, которая оборвалась в печальной памяти 1937 г.

Впрочем, тех, чьи имена исчезли в связи с репрессиями, мы далее упоминать не будем. Их-то имена были известны, потому и исчезали названия в честь этих людей.

Вернёмся в 1920-е гг. В сентябре 1922 г. некий работник Института истории партии по фамилии Шидловский опубликовал в «Красной газете» статью, в которой возмущался тем, что скоро будет отмечаться пятилетие революции, а петроградские заводы и фабрики носят устаревшие имена: «бывший Парвиайнен», «бывший Максвель» и т. д. Статья мгновенно нашла отклик. Уже через несколько дней посыпались предложения о присвоении имён предприятиям. «Товарищ Синицын», «товарищ Иванов» и прочая, и прочая…

Синицын (имя неизвестно) — рабочий фабрики Сакова, организатор сельскохозяйственной коммуны в имении Лапино Петергофского уезда. Командир роты, он погиб в 1919 г. под Ямбургом. Его имя и присвоили его родной фабрике на Васильевском острове, которая стала именоваться просто шорно-седельной, а на Голодае имя Синицына дали клубу на Железноводской улице. Ненадолго. К концу 1930-х гг. фамилии Синицына не осталось ни в названии фабрики, ни в названии клуба.

Та же история произошла и с Ивановым, имя которого было присвоено в 1922 г. клубу Российского коммунистического союза молодёжи на Рябовском шоссе, — это, вероятнее всего, Александр Иванович Иванов, погибший в ноябре 1919 г. под Гатчиной. Он был заместителем комиссара Ораниенбаумских пулемётных курсов имени товарища Троцкого.

Клуб на проспекте Энгельса, 22, получил имя Ильи Ивановича Орлова, рабочего завода «Светлана», председателя заводского комитета, погибшего летом 1919 г. у посёлка Кикерино. В 1930-е гг. имя оказалось утраченным.

Артель, располагавшаяся в районе Технологического института и производившая игрушки и детские спортивные вещи, стала носить имя товарища Рубена — Петра Павловича Рубена-Друлле, участника установления советской власти в Латвии, члена Военной секции Петросовета VIII созыва.

А Охтинской судоверфи было присвоено имя рабочего этой верфи Пагга. О нём пока не удалось найти вообще никакой информации.

Всё это говорит об одном: нельзя при наименовании каких бы то ни было объектов руководствоваться сиюминутной известностью или популярностью тех или иных личностей. В то же время неприемлема и другая позиция, согласно которой имена людей, боровшихся за советскую власть, устарели и сохранять их нецелесообразно, поскольку того государства уже нет. Не может служить аргументом и то, что современная молодёжь не знает ничего о личностях, имена которых носят улицы и проспекты Петербурга. Есть общая историческая память. Должно быть и уважение к нашему прошлому, без которого нет будущего.

А. Ю. Алексеев

ИМЕНА СОВЕТСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ В ТОПОНИМИИ ДАЧНОГО

За десятилетия советской власти в топонимии нашего города оказался увековечен, что и понятно, целый ряд известных политических деятелей. Разумеется, не обошёл этот процесс и территорию исторического района Дачное.

Традиционно названия проездов здесь связаны с темой Великой Отечественной войны. Тем не менее в 1920–1980-х гг. в решениях по наименованию и переименованию как проездов, так и самих посёлков, существовавших на месте нынешней современной застройки Дачного, регулярно встречаются имена соответствующих лиц из партийного и советского «ареопага». Причём наряду с непосредственными увековечениями производилось и присвоение названий по объектам, в имени которых уже был кто-то увековечен, — так сказать, «косвенные» увековечения. О таких решениях или попытках принятия подобных решений по Дачному и пойдёт речь в этой статье.

В 1917 г. территорию Дачного в его принятых современных границах занимали посёлки *Дачное* и *Княжево*, а также *немецкая колония* семейств Шефер и Берч на Петергофском шоссе. Самые первые переименования, случившиеся в 1918 г., их не коснулись, в отличие от существовавших западнее посёлков *Сергиево* и *Александрово*, объединённых тогда же в посёлок *Володарский*, а также посёлка *Новые Места* / *Романовский* / *Лигово*, получившего имя *Урицкого* (с 1925 г. — город Урицк). Впрочем, уже на рубеже десятилетий *Петергофское шоссе* стало *проспектом Стачек*[1], а одна из доминант местности — психиатрическая больница Всех Скорбящих — *больницей Фореля*[2].

Целый ряд переименований состоялся не позднее 1923 г. (возможно, именно в этом году), уже после перехода территории к югу от Автова в губернскую (с 1927 г.— областную) юрисдикцию. Дачное стало *посёлком III Интернационала*, его главная улица — *Екатерининский проспект* — получила то же самое

[1] В Большой топонимической энциклопедии Санкт-Петербурга (далее: БТЭ), изданной под редакцией А. Г. Владимировича (СПб., 2013), об этом переименовании сказано: «С 1923 г. — ул. Стачек» (С. 424). Однако в действительности это случилось не позднее начала 1920 г. См.: *Алексеев А. Ю.* Петергофское шоссе — улица Стачек — проспект Стачек: Топоним. перипетии XX в. // Встречи на Петергофской дороге: матер. краевед. конф. «100 лет Кировскому району». СПб., 2017. С. 4–5.

[2] Точная дата переименования больницы на данный момент, к сожалению, не установлена. Иногда это переименование относят к 1922 г. (см., например: www.encspb.ru/object/2855729596?lc=ru), но новое название *«Больница им. Фореля»* зафиксировано уже в документах 1919 г. (ЦГА СПб. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 7. Л. 11).

название; был переименован ещё ряд проездов[3]. Однако час для попытки увековечения одного из деятелей революции наконец пробил только на следующий год.

14 января 1924 г. исполком волостного совета рассмотрел протокол собрания граждан посёлка Княжево, который входил тогда в Урицкую волость. В этом протоколе выдвинуто предложение о *«переименовании посёлка имени ОГОРОДНИКОВА»* (так в документе!). Исполком протокол собрания утвердил, но решил обратиться в вышестоящую инстанцию, дабы таковая новое название санкционировала[4].

Несмотря на то, что в тексте протокола личность предлагаемого к увековечению не уточняется (нет даже его инициалов), с высокой степенью уверенности можно говорить об Иване Викентьевиче (Войцеховиче) Огородникове (1881–1923), незадолго до этого скончавшемся. Большевик-путиловец, в первые советские годы он занимал ряд должностей районного уровня (включая руководство Советом Нарвско-Петергофского района), был членом Петроградского исполкома. Похоронен рядом с посёлком, на Красненьком кладбище, которое *«в послереволюционный период <…> осталось некрополем рабочей Нарвской заставы»*, его могила сохранилась в составе мемориала, поставленного *«согласно надписи, “большевикам-путиловцам революционного Красного Питера”»*[5]. В честь И. В. Огородникова с 6 октября 1923 по 4 октября 1991 г. назывался Рижский проспект[6].

Таким образом, характерная для раннесоветского периода тенденция к увековечению лиц не только первого, но и второго плана — локальных «героев революции» — коснулась и рассматриваемой местности. Впрочем, название в честь Огородникова, в отличие от названия «посёлок III Интернационала», бытовавшего в довоенный период (хотя так и не прижившегося), встречается затем лишь в нескольких документах[7] — Княжево осталось Княжевым.

Иные увековечения 1920-х гг. касались объектов, связанных с Ораниенбаумской электрической железной дорогой («ОРАНЭЛой»). Известно, что её «культурный очаг» назывался клубом имени Ленина[8].

После присоединения в 1929 г. «ОРАНЭЛы» к городской трамвайной сети её бывшее депо Княжево стало трамвайным парком имени И. Е. Котлякова[9] — этот деятель

[3] Первое известное на данный момент упоминание: ЦГА СПб. Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 44. Л. 82.

[4] Там же. Д. 30. Л. 2.

[5] *Андреев А. И.* Красненькое кладбище // Кобак А. В., Пирютко Ю. М. Исторические кладбища Санкт-Петербурга. М.; СПб., 2009. С. 544.

[6] БТЭ. С. 380.

[7] Например, адрес: «*пос. им. Огородникова д. 12*» (по какой улице конкретно, не ясно) — зафиксирован в книге регистрации записей о рождении Урицкого волисполкома за первые месяцы 1924 г. (ЦГА СПб. Ф. Р-6143. Оп. 4. Д. 108. Л. 63–63об.).

[8] *Гольцов Н. Н.* История ОРАНЭЛы — Стрельнинской трамвайной линии. СПб., 2006. С. 125.

[9] Там же. С. 137.

занимал ряд должностей на городском уровне (в частности, заведовал городским и областным финотделами), входил в состав общесоюзного ЦИК. Скончался в том же 1929 г. и похоронен на Марсовом поле.

Важной топонимической вехой в истории советского периода стала середина 1930-х гг., когда по всей стране прокатилась мощнейшая волна «кировианы» — имя главы ленинградских коммунистов, убитого 1 декабря 1934 г., принялись присваивать сотням разных объектов. Конечно, сразу же появились Кировский район и Кировский завод — как раз рядом с областным в ту пору Дачным, которого «кировиана» коснулась именно в связи с этими названиями.

В 1931 г. завод — тогда ещё «Красный путиловец» — получил участок под строительство городка для рабочих[10], расположившегося вдоль Шеферского переулка, в районе нынешнего перекрёстка улиц Зины Портновой, Подводника Кузьмина и проспекта Ветеранов. В 1934 г. завод стал Кировским, а затем соответствующее наименование перешло и на городок. Просуществовал он до Великой Отечественной войны.

Война воспрепятствовала созданию парка культуры и отдыха Кировского района, который предполагалось разбить не в самом районе, а уже за пределами тогдашней административной границы Ленинграда. В него должны были войти парки бывших дач *Брюса* (участок, где, собственно, и возник посёлок Дачное), *Воронцова* / *Богомолова* (здесь ныне расположено подворье Покрово-Тервенического женского монастыря) и усадьбы *Ульянка* — то есть в том числе и территория нынешнего *Воронцовского сквера*[11].

В послевоенные годы дело наконец дошло и до увековечения советских деятелей в названиях проездов. Во второй половине 1940-х гг. шло расширение застроенной (точнее, отстраиваемой заново после войны, в немалой степени силами Кировского завода) территории посёлка Дачное. На месте комплекса больницы Фореля возник *Кировский городок* (встречаются даже упоминания замечательного образца советского «новояза» — топонима *(Лен)Кировотракторострой*[12]. Позднее, в 1965 г., в кардинально перестроенном бывшем главном здании больницы (она же дача Сиверса, современный адрес — проспект Стачек, 158) открыли Дворец культуры (ныне Центр культуры и досуга) «Кировец».

[10] Президиум исполкома Ленинградского Пригородного района принял решение об отводе земель под городок в июле 1931 г., см.: ЛОГАВ. Ф. Р-3173. Оп. 1. Д. 225. Л. 81, 84.

[11] *Горбатенко С. Б.* Петергофская дорога: ист.-архит. путеводитель. СПб., 2013. С. 191.

[12] Так, *«Жилгородок Ленкировотракторострой, дом № 140»* (то есть в связи с адресом бывшего больничного комплекса — пр. Стачек, 140) упомянут в одном из документов, принятых исполкомом Красносельского района в 1950 г. (ЦГА СПб. Ф. Р-9628. Оп. 1. Д. 58. Л. 74, 75 — в последнем случае в кавычках). Известно, что при подготовке решения о передаче Лиговского рабочего посёлка из состава области в административное подчинение Кировскому райсовету в том же 1950 г. (см. примеч. 16) вместе с Дачным, Княжево и Ульяновкой (sic!) упоминался и Кировотракторострой (сайт МО Урицк: urizk.spb.ru/standart-law_act/statute_item/polozheniya/ob_ofitcialnyh_simvolah/?page_6=5).

На вновь застроенной территории появились и/или оформились несколько улиц. Из Шеферского переулка или Шеферской улицы (ныне *Соломахинский проезд*) выделилась *1-я Шеферская улица* (позднее *Оборонная*, сейчас *улица Подводника Кузьмина*), рядом с ней появились *2-я*, *3-я* и *4-я Шеферские* (последняя почти сразу стала *Рабочей*). Однако уже в мае 1950 г. совет Лиговского рабочего посёлка, куда тогда входило Дачное, их переименовал, и 3-я Шеферская улица стала *Кировской* — понятно, что по-прежнему в связи с Кировским заводом[13].

Тем же решением, помимо всего прочего, было произведено ещё одно увековечение, коснувшееся одной из старейших улиц посёлка Дачное. Речь идёт о *переулке Лешко-Попель* (на изначальном плане посёлка 1904 г. — *Лешко-Попеля*[14]). Впрочем, к концу 1940-х гг. изначальное написание названия забылось, и местное население окончательно превратило его в совершенно нелепо звучащий *переулок Лештополя*. В мае 1950 г. его решили переименовать в *Пионерский переулок*, но затем, судя по всему, это решение в какой-то момент изменили (возможно, в другой инстанции): вместо Пионерского переулка в Дачном появилась *Ждановская улица.* Таким образом, перед нами один из двух примеров увековечения преемника Кирова на посту главы ленинградских коммунистов и фактического руководителя города в блокадную пору, А. А. Жданова (1896–1948), в названиях проездов на нынешней территории Большого Санкт-Петербурга (наряду с *улицей Жданова*, ныне *Ручейной* в Левашове).

С. М. Киров на XVII съезде ВКП(б). 1934 г.

Несмотря на столь громкие имена, и Кировская, и Ждановская улицы просуществовали не очень долго и подобно многим другим проездам, находившимся в пригородных поселениях, поглощённых Ленинградом, «пали жертвами» новой волны застройки. На месте Ждановской улицы в середине 1960-х гг. появился начальный участок *проспекта Ветеранов*, от Кировской улицы остался лишь участок севернее этого проспекта, а к 1970 г. этой улицы не стало вовсе[15].

[13] Решение: ЦГА СПб. Там же. Д. 57. Л. 31–31об. Также см.: *Алексеев А. Ю*. Три Шеферские улицы в послевоенном Дачном // Новый топонимический журнал. 2013. № 1. С. 44–50; *Он же*. Первые улицы в Дачном, наименованные в связи с Великой Отечественной войной // Встречи на Петергофской дороге. Матер. краевед. конф. СПб., 2015. С. 4–7. К этой же «косвенной кировиане» можно отнести и появление в первые послевоенные годы садоводства *«Кировец-1»*, существующего и поныне рядом с улицей Лёни Голикова.

[14] План посёлка Дачное, утверждённый 7 (20) июля 1904 г.: ЦГИА СПб. Ф. 256. Оп. 27. Д. 302. Л. 6–12.

[15] БТЭ. С. 529, 539 (с неточностями).

Большая волна наименований 1962–1965 гг. в Дачном выразилась в появлении «военного топонимического куста», когда основная часть улиц получила названия, связанные с Великой Отечественной войной. При этом следует заметить, что в период подготовки первого решения от 17 ноября 1962 г., когда эти земли относились уже не к области, а к городу (хотя и не входили ещё в его черту)[16], обсуждались и варианты «политических» наименований. Так, будущий *проспект Героев* (ныне часть *Ленинского проспекта*) предлагалось назвать *Коммунистическим*, а для *бульвара Новаторов* существовал вариант *бульвар Подвойского* — в честь Н. И. Подвойского (1880–1948), одного из руководителей штурма Зимнего дворца и первого военного народного комиссара Советской России[17]. Последнее предложение отражало топонимический тренд 1960–1970-х гг. — увековечение памяти «старых большевиков». Однако эта идея реализована не была[18], *улицей Подвойского* 26 января 1970 г. стал один из новых проездов в Невском районе[19].

В 1976 г. была предпринята одна из попыток «косвенного» увековечения. В тот момент перед Ленинградской городской комиссией по наименованиям (предшественницей современной Топонимической комиссии Санкт-Петербурга) стояла задача дать наименования двум проездам в районе промзоны, расположенной между Красненьким кладбищем и жилой застройкой Дачного.

С одним из них вопрос решился легко: за ним официально закрепили наименование *Автомобильная улица,* уже не один год употреблявшееся полуофициально. С названием же другого проезда — вдоль автобусного парка № 5 — возникли сложности. Для него предлагались варианты *Диспетчерский проезд* и *улица Котлякова* — по существовавшему тогда имени вышеупомянутого трамвайного парка, но на заседании Комиссии 31 мая 1976 г. было решено отправить этот вопрос на доработку[20].

Тем не менее возникшая в то время на этом проезде автозаправочная станция (АЗС), так сказать, «авансом» получила адрес: *улица Котлякова, 5* — и некоторое время он вносился в городские справочники[21]. Более того, это название, официально никогда не существовавшее, попадает в действующее городское законодательство и в XXI в.[22]

[16] По решению Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 июня 1950 г. (уже после принятия решения по Шеферским улицам). По решению того же органа от 16 января 1963 г. они непосредственно вошли в черту Ленинграда (см.: БТЭ. С. 23–24).

[17] ЦГА СПб. Ф. Р-100. Оп. 6. Д. 664. Л. 345. Подробнее о данных предложениях см.: *Алексеев А. Ю.* О предыстории наименования проездов в Дачном в 1962 г. // Топонимический альманах. 2017. № 2. С. 33–38.

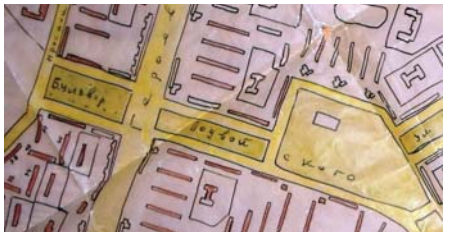
[18] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 41. Д. 517а. Л. 53–54.

[19] БТЭ. С. 347.

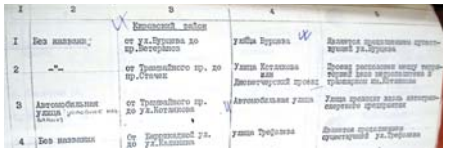
[20] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 51. Д. 44. Л. 48. Автомобильная улица была официально наименована 6 декабря 1976 г. (Там же. Д. 205. Л. 127). Также см.: БТЭ. С. 50.

[21] Первое известное на данный момент упоминание АЗС по данному адресу относится к 1978 г. (Список абонентов Ленинградской городской телефонной сети: телефоны учреждений, предприятий и организаций, 1978. Л., 1978. С. 3).

«Главная советская фамилия» в названиях проездов Дачного была увековечена 18 апреля 1977 г., когда *проспект Героев* и проходившую в Московском районе *улицу Галстяна* слили в единый *Ленинский проспект*[23]. Утверждалось, что это было сделано по случаю предстоящего 60-летия Октября. Правда, в материалах Комиссии по наименованиям, рассматривавшей данное предложение, записана другая формулировка: *«в честь 107-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина»*[24]. Тем же решением формально высшего городского органа, Ленгорисполкома, название *Ленинский проспект* было применено ещё дважды. Так стали называться железнодорожная платформа (с 1969 г. именовавшаяся *Проспект Героев*[25]) и новая станция метро Кировско-Выборгской (современной 1-й, «красной») линии, открытая для пассажиров 5 октября 1977 г., проектное название которой также было «Проспект Героев»[26]. При этом на отдельных домах, которые стояли по бывшим проспекту Героев и улице Галстяна (названия которых перевели на другие магистрали) до сих пор видны следы прежней нумерации, существовавшей до их объединения.



Фрагмент калькированной копии карты «проекта детальной планировки района Дачное» 1962 года с «бульваром Подвойского» на месте будущего бульвара Новаторов. Из личного архива автора (передано А. З. Кониковым).



Из документов к заседанию городской Комиссии по наименованиям 31 мая 1976 г.

Наконец, последний случай, относящийся к 1980-м гг., с одной стороны, опять-таки связан с очередной «топонимической модой» на увековечение недавно скончавшихся лидеров эпохи так называемого «застоя», с другой — несколько необычен тем, что сначала имя присвоили одному проезду, а потом «перекинули» его на другой.

Первоначально 25 октября 1982 г. в честь почившего в том году главного идеолога КПСС М. А. Суслова

[22] «Улица Котлякова» присутствует в Приложении № 2 к Постановлению Правительства Санкт-Петербурга от 17 марта 2011 г. № 300 «О критериях отнесения автомобильных дорог общего пользования к автомобильным дорогам общего пользования регионального значения в Санкт-Петербурге и о Перечне автомобильных дорог общего пользования регионального значения в Санкт-Петербурге».

[23] ЦГА СПб. Там же. Оп. 51. Д. 677. Л. 44. Также см.: БТЭ. С. 235.

[24] ЦГА СПб. Д. 571. Л. 3.

[25] *Архангельский А. С., Архангельский В. А.* Железнодорожные станции СССР: Справочник. М., 1981. Кн. 1. С. 282; Кн. 2. С. 273.

[26] *Жданов А. М.* Метрополитен Петербурга. М.; СПб.. 2017. С. 414–415.

(многократно избиравшегося депутатом Верховного Совета СССР от Кировского района Ленинграда) переименовали *Трамвайный проспект*[27]. Причем эта инициатива была рассмотрена на бюро обкома КПСС со ссылкой на предложение Ленгорисполкома, выдвинутое в июле 1982 г.[28], а ещё раньше идею выдвинули Кировские райком КПСС и райисполком[29].

Однако случилось так, что уже 14 декабря 1982 г. бюро обкома приняло новое постановление на сей счёт, в котором сказано: *«Принять предложение исполкома Ленинградского городского Совета народных депутатов о переименовании улицы III Интернационала в Кировском районе в проспект М. А. Суслова»*[30].

Причины произошедшего до сих пор остаются неясными. Возможно, этот проезд посчитали более достойным по внешнему антуражу, чем тот… Как бы то ни было, в результате Трамвайный проспект вернул себе прежнее имя 1 февраля 1983 г., а в честь партийного идеолога в тот же день стала называться *улица III Интернационала*[31].

Спустя несколько лет с изменением в стране политической конъюнктуры стал подниматься вопрос о пересмотре этого решения[32]. Прежнее название — улица III Интернационала[33] — формально «вернулось» 27 февраля 1990 г., однако магистраль продолжали называть, как и прежде: проспектом Суслова, причём и в официальных документах тоже[34]. В конце концов 7 июля 1993 г. по принятой за год до того, 9 июля 1992 г.[35], рекомендации теперь уже Топонимической комиссии Санкт-Петербурга проспект Суслова был переименован в *Дачный проспект*[36].

Такова история попыток увековечения советских политических деятелей в Дачном. Ныне из этих названий, в отличие, например, от топонимов центральных районов Петербурга, остались лишь «официальный» Ленинский проспект и «полуофициальная» улица Котлякова.

[27] Там же. Оп. 55. Д. 180. Л. 119. Также см.: БТЭ. С. 441.

[28] ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 189. Д. 49. Л. 25.

[29] ЦГА СПб. Там же. Д. 376. Л. 6.

[30] ЦГАИПД СПб. Там же. Оп. 193. Д. 13. Л. 36.

[31] ЦГА СПб. Там же. Д. 546. Л. 228.

[32] В частности, предложения по возвращению улицы III Интернационала наличествовали уже в 1987 г. (Там же. Оп. 58. Д. 35. Л. 68-70, 101). В письме из Ленгорисполкома в Ленинградский горком КПСС (февраль 1988 г.) тогдашний глава Ленгорисполкома В. Я. Ходырев перечислял проспект Суслова в списке улиц, возвращение прежних названий которых поддерживается населением (Там же. Л. 115–117).

[33] ЦГА СПб. Оп. 62. Д. 68. Л. 240.

[34] Так, проспект Суслова упомянут в решении Малого Совета от 6.07.1993 № 255 «О приватизации предприятий, распространяющих периодические печатные издания в розницу в Санкт-Петербурге» (docs.cntd.ru/document/2101845).

[35] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-866. Оп. 1. Д. 4. Л. 65. Также см.: БТЭ. С. 128.

[36] ЦГА СПб. Там же. Оп. 64. Д. 658. Л. 167.

ГДЕ ЭТА УЛИЦА, ГДЕ ЭТОТ ДОМ?!

ПРОБЛЕМА УПОРЯДОЧЕНИЯ ОБОЗНАЧЕНИЙ ОБЪЕКТОВ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ НА СТРАНИЦАХ ЛЕНИНГРАДСКИХ ГАЗЕТ 1960-х гг.

ПОЛОЖИТЬ КОНЕЦ ПУТАНИЦЕ

Несколько лет назад Исполком Ленгорсовета начал хорошее дело, переименовав ряд улиц с одинаковыми названиями. К сожалению, работа эта прекращена. И опять появились, например, Алтайские улицы в Московском и Кировском районах (в Сосновой Поляне).

По существу, одну магистраль составили уже Люботинский, Нарымский проспекты и Сызранская улица.

Плохо обстоит с нумерацией домов, особенно в глубине новых кварталов. Почти напротив исполкома Выборгского райсовета стоит дом № 73 на проспекте Карла Маркса, но на нём прибит указатель, из которого явствует, что в этом квартале только один дом № 87.

Непросто найти дом № 81 на проспекте Стачек: такой есть лишь… в километре от этой трассы. На том же проспекте Стачек трудно разыскать дома № 128, № 140, № 142, № 162, потому что они фактически находятся на Ленинградском шоссе, причём № 142 следует не за № 140, а далеко после дома № 162.

Необходимо вновь заняться упорядочением наименования улиц и населённых пунктов, нумерации домов в Ленинграде. Чтобы новые названия были обоснованы исторически и географически и не возникала вновь путаница, следует создать авторитетную комиссию для руководства этой работой.

А. Ксенофонтов

Вечерний Ленинград. 1961. 1 февраля

ЕЩЁ РАЗ О НАЗВАНИЯХ УЛИЦ (ПО СИГНАЛАМ ЧИТАТЕЛЕЙ)

Есть в Ленинграде Заневский проспект. Эта магистраль получила своё звучное имя сравнительно давно, когда Малая Охта, раскинувшаяся за Невой, действительно была окраиной по отношению к старой части города. Потом стали именовать Заневской и образовавшуюся вблизи реки просторную площадь. Несколько лет назад на Новочеркасском проспекте распахнул двери новый кинотеатр. Он получил то же название — «Заневский». В одном из домов на площади готовится к открытию новый ресторан. Имя его… «Заневский». Не слишком ли много близнецов?

Скоро в районе Заневского проспекта через Неву перекинется новый грандиозный мост. «Мы очень боимся, — замечают в письме А. Герасимов и другие жители Малой Охты, — что и мосту <…> приготовлено стандартное название “Заневский”».

Законное беспокойство. Надо полагать, те, кто придумывает названия, не лишены фантазии, и они справедливо отнесутся к справедливым замечаниям.

Не только однообразие, повторение одних и тех же названий, но и путаница в них доставляют немало огорчений ленинградцам и многочисленным гостям нашего города. Спросите, например, как именуется зелёный массив перед главным фасадом Адмиралтейства? Старожилы по привычке зовут его Александровским садом, хотя нынешнее название — сад Трудящихся. Впрочем, в книге Р. Соминой «Невский проспект» (изд. 1959 г.) он называется «Сад трудящихся им. Горького». А если верить «Путеводителю по Ленинграду» (1963 г.) — сад им. Горького.

«Вот и попробуйте уточнить, кто же прав, — пишет нам инженер Ю. Ридер. — Ведь на месте — ни у входа, ни в парке — вы не найдёте никакого специального указателя…».

И это не единственный факт. Нет своих красивых и точных «вывесок с именами» и у таких, казалось бы, известнейших «объектов», как Летний сад, Михайловский сад, парк имени Ленина на Петроградской стороне, Приморский парк Победы, сквер напротив Театра им. А. С. Пушкина и другие. Волнует ли это Архитектурно-планировочное управление?

Недавно решением Ленсовета в нашем городе был переименован ряд улиц, проспектов. Впервые получили свои, индивидуальные названия «новорождённые» проезды, магистрали, площади, зелёные массивы. Каждое новое имя исторически оправдано, объяснимо, легко запоминается. Можно было надеяться, что представители районных Советов, работники жилконтор, группы общественников с ответственностью отнесутся к этому большому и важному делу, проявят особую заинтересованность. Однако работа едва начата и не доведена до конца.

Так, бывшая Большая Спасская улица, ведущая к историческому памятнику — Пискарёвскому мемориальному кладбищу, называется ныне проспектом Непокорённых. Но такие указатели увидишь лишь на отдельных домах. В том же Выборгском районе давным-давно нет Русской Гражданки, а на фасадах зданий ещё висят древние надписи. До последнего времени эта магистраль, проходящая вдоль кварталов новостроек, называлась Дорогой в Гражданку. Теперь она получила имя — Гражданский проспект. Но, к сожалению, старые названия на домах живут, они упорно не хотят «сдаваться». А может быть, просто у кого-то ещё не дошли руки?..

Ленинградцы борются за то, чтобы превратить свой город в город высокой, образцовой культуры. Она проявляется не только в отличном благоустройстве, порядке на улицах, <…> но и в таких «деталях», как указатели, таблички, вывески, номерные знаки домов.

В. Дроздов

Ленинградская правда. 1964. 30 июля

В «ДЕБРЯХ» КВАРТАЛОВ

Хочу начать с того, что мне чрезвычайно нравятся кварталы новой застройки в Ленинграде. Раньше я жила в старом семиэтажном доме. Поэтому можете себе представить, какое счастье было очутиться в районе, где нет дворов, а есть сады между домами, где каждый дом и каждая комната в доме насквозь простреливаются утренним или вечерним солнцем, где от широких улиц и светлых домов даже небо кажется выше.

Но новая планировка жилых кварталов создаёт большие неудобства из-за путаницы в нумерации домов.

Приведу примеры по Невскому району, зная, что и в других районах положение не лучше.

Дойдите по улице Седова до дома № 83 и сверните направо, на бульвар Красных Зорь. Следующий дом, который вы увидите на этом бульваре, будет иметь табличку: «Ул. Седова, 85». Пройдите ещё дальше по бульвару (в сторону <станции> Сортировочной) — увидите надпись: «Ивановская ул., 38». Перейдите на другую сторону всё того же бульвара — перед вами дом № 30а по Южному шоссе… Не ищите домов Бульвара Красных Зорь — их нет. А может быть, я просто не смогла их найти?..

Окна дома № 5 по улице Бабушкина смотрят в окна домов №№ 5, 7, 9, 11 и 13 улицы Полярников.

Что касается нумерации домов на Южном шоссе, которое является прямым продолжением улицы Седова, то тут царит полнейшая неразбериха.

Кстати, можно привести ещё один пример того, как одной улице дано несколько названий. Это Фарфоровская улица, которая начинается там, где кончается Владимирский переулок. Этот переулок имеет только одну сторону (по другую тянется Сад имени Бабушкина) и весь он состоит из двух домов. Между прочим, никто из местных жителей не знает, что это Владимирский переулок, все считают его Фарфоровской улицей.

Думаю, что вряд ли есть смысл умножать примеры. Настало время привести в соответствие новые методы градостроительства со старыми методами установления адреса.

Е. Мусякова

Ленинградская правда. 1964. 29 августа

ТВОЁ ИМЯ, УЛИЦА?

В нашем городе строят много. Один за другим встают жилые кварталы в районах бывших окраин. Названия получают безымянные проезды. Им присваиваются имена заслуженных деятелей науки и культуры, ветеранов — героев Великой Отечественной войны, зарубежных прогрессивных политических деятелей.

К сожалению, эти названия порой искажаются — и на домовых, и на угловых знаках. Парголовскому проспекту, например, решением Исполкома Ленгорсовета № 713 от 17 августа 1964 года было присвоено имя руководителя

Французской компартии. Магистраль названа «проспект Тореза». Вместо этого появляются усложнённые наименования «проспект имени Мориса Тореза», «проспект М. Тореза», «проспект Мориса Тореза». Даже в справочнике «Ленинград» на стр. 191–192 читаем: «пр. Мориса Тореза». <…>

В 1922 году бывший Адмиралтейский канал был переименован в «канал Круштейна», а набережная Адмиралтейского канала — в «набережную канала Круштейна». К. Я. Круштейн — эстонский коммунист, был депутатом Петроградского Совета и 3 ноября 1921 года пал от руки эсера. Тов<арищ> Круштейн похоронен в сквере на площади Коммунаров недалеко от набережной его имени. И хотя на доме № 3 установлена памятная доска, в непосредственной близости от неё есть угловой знак: «канал имени Крунштейна». Такая же ошибка — в конце улицы на угловом знаке дома № 31.

В своё время общественность Петрограда отметила столетие со дня рождения писателя, социолога и философа, виднейшего идеолога народничества Петра Лавровича Лаврова. В честь его Фурштадтская улица была названа «улицей Петра Лаврова». Это название, несмотря на его сложность, привилось. Но работники жилищных организаций всё же стараются сократить это название. В результате только на шести домах имеется правильное написание названия улицы (№№ 26, 34, 36, 52, 54 и 43). На остальных же — а их более 50 — обозначена только первая буква имени: «ул. П. Лаврова».

Следуя этому нелепому «опыту», улица Салтыкова-Щедрина получила наименование «ул. С. Щедрина» (на домах №№ 8, 10, 12, 14, 18, 22, 24…). В сочетании с псевдонимом «Щедрин» эта буква по воле авторов домовых указателей означает как бы инициал. Иные гадают: в честь какого же Щедрина названа улица, имя которой начинается с буквы «С»? То ли известного живописца Семёна Щедрина, или Сильвестра Щедрина, тоже живописца, или кого другого? <…>

Ряд магистралей после Великой Отечественной войны получил имена её героев. Это — «улица Танкиста Хрустицкого», «улица Пограничника Гарькавого», «улица Подводника Кузьмина», «улица Солдата Корзуна» и другие. Двойные наименования прививаются плохо. Население сокращает их: Подводника, Корзуна, Кузьмина, Танкиста. Видимо, следует избегать сложных наименований.

Чтобы ленинградцы знали, почему улица названа определённым именем, надо безукоснительно выполнять решение Исполкома Ленгорсовета, которое обязывало устанавливать в начале улиц пояснительные доски.

Правильные названия должны быть обязательными для всех указателей улиц, справочников.

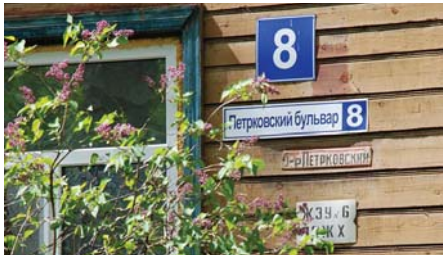
Л. Кицис, М. Сморгон
Вечерний Ленинград. 1970. 5 февраля

Собрал Г. Г. Мартынов

ИСТОРИЯ ОДНОЙ КОСТРОМСКОЙ УЛИЦЫ, ИЛИ ТОТАЛЬНАЯ БЕЗГРАМОТНОСТЬ*

В Костроме есть необычный топоним. Это Петрковский бульвар. Посвящён он не фамилии, как можно было бы подумать, а названию польского города. В 2000-х гг. небольшой городок Пётркув-Трыбунальский почему-то стал любим нашими чиновниками, туда ездили в гости и принимали их делегации, Кострома стала побратимом.

И в дальнейшем аллею, которая ведёт от центральной улицы Советской к стадиону «Спартак» (ныне «Динамо») назвали Петрковским бульваром. Почему не Пётркувским (и не Пётркув-Трыбунальским)? Подозреваю, что просто в силу неграмотности чиновников, принимавших это решение: как услышали, так и записали.



Так или иначе, бульвар стал Петрковским. Но этого мало, теперь посмотрите, какие таблички вешают костромичи, управляющие компании или кто там ещё отвечает за них.

Бульвар стал не пойми какого Петрковского (любопытно, что в Костроме одно время под таким псевдонимом писал журналист Игорь Варламов — получается, бульвар в честь него)?

А тут оба варианта сразу, очень удобно.

Есть в Костроме и обратные примеры, когда улицу, названную в честь фамилии, называют по-другому. Так, улицу Подлипаева (революционер) часто именуют Подлипаев***о*** — видимо, думая, что была такая деревня под липами. Или улицу Спасокукоцкого (советский хирург) называют именем какого-то Спаса Кукоцкого. Это часто режет слух и иногда может вводить в заблуждение — при поиске в Интернете, например. Будьте внимательны и грамотны!

А в ваших городах есть такие примеры?

** Источник: golos.io/ru--obrazovanie/@antonkostroma/istoriya-odnoi-kostromskoi-ulicy-ili-totalnaya-bezgramotnost.*

Алексеев Алексей Юрьевич

Выпускник факультета социальных наук Российского государственного педагогического университета (РГПУ) им. А. И. Герцена. Кандидат исторических наук. Ведущий библиотекарь Фундаментальной библиотеки императрицы Марии Фёдоровны при РГПУ им. А. И. Герцена. Постоянный автор газеты «Муниципальный вестник «Княжево», публиковался в газете «Санкт-Петербургские ведомости» (темы статей — история юго-западных районов Санкт-Петербурга, городская топонимия), неоднократный участник районной краеведческой конференции «Встречи на Петергофской дороге». Член Топонимической комиссии Санкт-Петербурга с 2017 г.

Андрейчева Вера Фёдоровна

Окончила Ленинградский политехнический институт им. М. И. Калинина (ныне Санкт-Петербургский государственный политехнический университет). Член Русского генеалогического общества. Краевед, автор публикаций по истории Невского района Санкт-Петербурга, в том числе книг «Александровское, Мурзинка, Фарфоровый завод: Забытое об известном» (СПб., 2012) и «Малая Рыбная слобода, Уткина Заводь, Клочки и Киновия» (СПб., 2015).

Владимирович Алексей Георгиевич

Краевед. Автор многочисленных публикаций по истории и топонимике Санкт-Петербурга, один из авторов книги «Городские имена сегодня и вчера: Петербургская топонимика» (1997), один из разработчиков и составителей «Реестра названий объектов городской среды Санкт-Петербурга» — первого оригинального документа подобного рода в истории города. Как один из авторов и титульный редактор «Топонимической энциклопедии Санкт-Петербурга» (2002) удостоен Анциферовской премии 2003 г. Член Топонимической комиссии Санкт-Петербурга с 1991 г.

Ерофеев Алексей Дмитриевич

Журналист, краевед, собственный корреспондент «Парламентской газеты» по Петербургу и Ленинградской области. Автор многочисленных публикаций по истории города и проблемам культуры и транспорта, в том числе в газетах «Санкт-Петербургские ведомости», «Смена», «Экономика и время». В составе авторского коллектива «Топонимической энциклопедии Санкт-Петербурга» удостоен Анциферовской премии 2003 г. Член Топонимической комиссии Санкт-Петербурга с 1991 г.

Рыжков Андрей Борисович

Окончил Санкт-Петербургскую государственную академию авиакосмического приборостроения (ранее Ленинградский институт авиакосмического приборостроения). Краевед, принимает активное участие в совершенствовании Реестра названий объектов городской среды Санкт-Петербурга, автор ряда публикаций в СМИ на топонимические темы. Один из авторов «Большой топонимической энциклопедии Санкт-Петербурга» (2013).

Тихомиров Борис Николаевич

Заместитель директора по научной работе Литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского в Петербурге, доктор филологических наук, автор нескольких книг и ряда статей, посвящённых теме «Петербург Достоевского». Член Топонимической комиссии Санкт-Петербурга с 2017 г.